

Гавриил Танкаян

ПАМЯТЬ ПРОШЛОГО

Гавриил Танкаян

ПАМЯТЬ
ПРОШЛОГО

Г.Г. Тапкаян

*ПАМЯТЬ
ПРОШЛОГО*

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2013

Г.Г. Танкаян

Память прошлого. — СПб.: Знакъ, 2013. — 148с.

Перед вами, читатель, уникальная книга. Это не просто документ эпохи или чудом сохранившийся рассказ её очевидца, это запечатлённая в слове судьба целого поколения нашего народа, народа, пережившего сталинские репрессии, народа, победившего в страшной войне с фашизмом, народа-творца, создавшего страну, в которой всем нам выпало жить.

Книга написана от первого лица. Но автор неизменно возвращается к повествованию от собственного имени даже тогда, когда начинает описывать людей и события представившись Музеевым Гавриилом Егоровичем. И это неслучайно, поскольку слишком велика сила сопричастности всему происходящему, так неизбывно искреннее желание его изменить, преодолеть, сделать лучше.

С первых страниц этой книги читатель попадает под авторское обаяние, он сопереживает её главному герою и радуется, когда тому удаётся преодолевать трудности и менять мир вокруг себя по законам гуманизма и справедливости, которые составляют его нравственную и моральную суть.

© Танкаян Г.Г., 2013

© «Знакъ», макет, 2013

*Этот экземпляр текста
был перепечатан из тетрадей —
воспоминаний моего отца
Танкаяна Гавриила Георгиевича
(сыном Танкаяном
Валентином Гавриловичем)
после его смерти,
обнаруженных
в замкнутой конструкции стола.*

ВОСПОМИНАНИЯ ОТЦА ТАНКАЯНА ГАВРИИЛА ГЕОРГИЕВИЧА

Тетради с рукописными текстами оказались у меня после смерти отца. В них боль за изломанную жизнь от жестокости и несправедливости сталинского периода жизни в нашей стране.

Текст воспоминаний складывался в виде отдельных глав, записываемых тайно от сына и жены в простых тетрадях и блокнотах, которые отец прятал под замком ящика письменного стола. Отец представил себя под фамилией Музеева Гавриила Глоровича, судьба которого оказалась сломанной в конце 1939 года за «неправильные показания» по статье 95, которые, как мне известно, произошли из-за несогласия с обвинениями как врага народа (по-моему, генерала – начальника училища, где преподавал и отец). Из-за этого и отец, и ещё кто-то, кто не согласился с данными обвинениями, ушли в лагерь на 1,5 года. Вообще-то, это были курсы повышения квалификации командного состава, которые были тут же закрыты, все командиры уволены, а отец вынужден был поступить на курсы шлифовщиков при Кировском заводе, чтобы зарабатывать для себя и семьи, но в ожидании почему-то выполнения решения суда дома...

Вот так всё и началось...

ГЛАВА 1

Только в борьбе обретается право на жизнь. Я за «неправильные свидетельские показания» был осуждён судом по 95 статье на 1,5 года, но под стражу взят не был и отпущен до особого распоряжения. Два месяца прошло со дня суда, два месяца я работал на металлургическом заводе в Ленинграде, по новой специальности шлифовщика, которую я любил.

19 марта 1941 года в вечернюю смену на заводе была объявлена учебная воздушная тревога. Над станками повисли лампочки с синим светом, Музеев, обрабатывая мелкие втулки, из-за ограниченного освещения не различил на металле синие полосы и заперол 240 изделий. На душе было нехорошо, смена, обычно проходившая быстро, на этот раз тянулась ужасно долго. Еле дождавшись гудка окончания работы, он с тяжёлым впечатлением от совершённого брака и какого-то предчувствия, поехал домой. Дома жена вся в слезах вручает ему повестку о явке в шесть часов утра в милицию согласно постановлению суда за якобы ложные показания.

Так это всё же наступило... Через пять часов Гавриил Егорович будет заключённым... страшно даже подумать об этом, ведь никогда даже в милиции не был — и вдруг на полтора года в тюрьму...

Ничего не поделаешь — судьба.

Так до утра и не спал, собирался в далёкий путь, успокаивал жену и, глядя на спящего девятилетнего сына, запоминал черты его лица. Наутро попрощался с женой, сыном, братом и соседями, взял мешок и пошёл в отделение милиции. У ворот стоял удивлённый управдом. Он молча подал руку, провёл до угла и сказал: «Счаст-

ливого пути и скорого возвращения...»

Дежурный по отделению милиции взял повестку, отобрал мой паспорт и воинский билет, позвал милиционера и велел куда-то отвести. Вскоре помещение, куда меня отвели, было закрыто на ключ, и с этого момента я стал заключённым.

Гавриил Егорович вошёл и огляделся. Небольшая комната, наполовину занятая нарами, на которых лежало человек пять и пахло винными нарами, так как в углу, оказывается, лежали двое пьяных и даже во сне нецензурно ругались. Положив свой мешок на пол, Гавриил Егорович стал ходить по комнате, думая о семье и о том, что его ожидает впереди за эти долгие полтора года. Ходил он долго, и от этого даже ноги устали, но сесть на нары не репался, а вдруг там насекомые-паразиты.

— Слушай, моряк, — разобрал он обращённые к нему слова молодого парня лет восемнадцати. — Ты что, на долго сюда попал?

Ответил, что осуждён на полтора года. Парень сказал, что неужели так и будешь ходить по камере все эти полтора года, брось думать, иди, ложись на нары, поговорим, отдохнёшь. Он подвинулся, уступая место. Гавриил Егорович взял мешок, согласился с доводом парня, положил мешок в головы и лёг с ним рядом. В разговоре выяснилось, что парня звали Михаилом, в отделение милиции он попал за беспаспортность.

Днём от усталости удалось заснуть, а к вечеру окриком дежурного был разбужен, так как выяснялось, кто здесь по фамилии Музеев, так как к нему пришли родственники, и он может подойти к двери. Гавриил Егорович с радостью воспользовался добротой дежурного, не понимая, кто же смог к нему прийти.

Оказалось, что на дерзкую операцию репились старший брат, жена и невестка, которые принесли съестного, но поговорить долго дежурный не разрешил. Жена стояла вся в слезах, а последние слова брата родили надежду, так как он сказал, чтобы брат сохранял себя как личность, а он будет заботиться о семье и поедет в Москву хлопотать за отмену приговора. Ещё минута — и всё. Дверь закрылась, грустный Гавриил Егорович вернулся на нары, где, проснувшиеся пьяные сокамерники тут же начали ощупывать принесённые пакеты с едой.

— Ешьте, кто хочет, присаживайтесь, — произнёс Гавриил Егорович, развязывая пакеты.

Но Михаил, отогнав всех, сказал, что так делать нельзя, ведь всё будет съедено, и предложил половину оставить вновь прибывшему, а другую поделить на шесть частей.

Ночью в камеру вошёл другой дежурный и выяснял, кто здесь Музеев, предложив с вещами пройти к выходу. Взяв мешок, и попрощавшись со всеми, вместе с дежурным прошёл в приёмную, где был передан конвою, с которым и вышел во двор, был посажен в машину, где уже находилось человек пятнадцать мужчин и женщин из других отделений милиции города.

Было морозно, проехав минут тридцать-сорок по городу, машина оказалась в каком-то дворе. Двери машины открылись, по команде все бывшие в машине мужчины выпли и были переданы в сортировочное отделение дома заключения.

ГЛАВА 2

Музеева отвели в камеру №2. Это маленькое помещение три на два метра. Вдоль стен две скамьи, стены исписаны всевозможными именами из разных городов, своего рода живая география.

В камере долго никого не было. Щёлкнул ключ, дверь открылась, и огромного роста мужчина в шубе с бобровым воротником нерешительно переступил порог. Дверь закрылась. Вошедший покосился на Музеева и сел на кончик скамьи. Через десять минут они уже познакомились. Человек в бобровом воротнике был каким-то директором бумтреста и приехал в тюрьму на собственном автомобиле. «Не знаю в чём я виноват», --- говорил он Гавриилу Егоровичу, но вскоре всё стало ясно, когда дверь вновь приоткрылась и вошёл пожилой мужчина. Как только дверь закрылась за вошедшим, он воскликнул, обращаясь к человеку с бобровым воротником:

--- Поздравляю! И вы здесь, Анатолий Павлович. Очень приятно.

--- Сергей Сергеевич! Я ничего не понимаю. Объясните, если знаете, --- разволновался Анатолий Павлович.

Неужели не догадываетесь, товарищ директор, --- злобно глядя поверх очков ответил пожилой человек, ведь растрата.

Гавриил Егорович потом узнал, что это общались между собой директор предприятия и его главбух. Время шло к обеду, и, как последственным, им разрешили взять обед из столовой. Пришедшей официантке директор заказал три дорогостоящих обеда, включая и для Музеева, хотя он и отказывался от подобного подношения. Но пообедать так и не пришлось, открылась дверь, и вошед-

ший дежурный уставился удивлёнными глазами на Музеева и спросил, какая фамилия у гражданина моряка.

— Музеев, — ответил Гавриил Егорович.

А дежурный вновь задал вопрос.

— Как Вы сюда попали, в камеру эту как попали, — и уже начинал сердиться.

— Не знаю, — ответил Музеев. — Меня привезли и заперли.

— Берите свои вещи, — уже спокойнее произнёс дежурный, — и выходите.

Воспоминания о происходившем далее малоприятны, как, по-видимому, и для всех тех, которых целый день проверяли, записывали в анкеты, переводили из камеры в камеру. Наконец, под вечер вымыли в бане, одели во всё чистое и вывели из караantina в чистую камеру. В камере уже оказалось тринадцать юношей, она оказалась большой, у стен стояли койки с матрацами. Подчиняясь неписаным законам, каждый новый должен был рассказать про себя всё; кто ты, за что и т.д. — а также нужно было обязательно всех угостить, а если это не произойдёт, то в первую же ночь всё содержимое мешка будет съедено.

Гавриил Егорович всё уже об этом знал и точно выполнял эти условия, так что вскоре уже считался своим человеком.

Утром в камере оказался пожилой мужчина, принёсший с собой огромную котомку булок, сухарей, колбас и сахара. Среди тринадцати заключённых один считался старостой камеры. Существовал неписанный закон, что старожил камеры, то есть тот, кто дольше всех в ней проживал, именно он, как правило, и бывал старостой.

В этой камере старостой был некто Колька, белобры-

сый 16-летний подросток, очень начитанный, но и любивший залезать в чужие карманы. Среди остальных таких же он пользовался авторитетом. Его слово для всех было законом. Вся братия, как только увидела огромный мешок, сразу новенького дядьку окружила и стала бесперемежно пунать содержимое мешка, предвкушая полакомиться после стандартной каши. Но они неожиданно встретили должный отпор со стороны хозяина мешка. Бородатый дядька поднял крик, уселся на мешок и грозился перебить всю пшану.

Война стала неминуемой... Вот тут-то и выступил Колька-староста и объяснил дядьке, что нужно угостить ребят, хоть по-чутьочке, а потом можно всё съесть самому, в противном случае всё равно всё раскрадут. Но бородач отказался выполнять эти условия и заявил, что всё будет есть сам, так как ему сидеть ещё целый год, положил мешок под голову и не спал даже ночью. Под утро всё же заснул, когда проснулся, то голова оказалась лежащей на пустом мешке. Разразился скандал, крики выпудили войти дежурного, который обратился к старосте, почему он допустил подобное в камере, на что Колька ответил, что предупреждал новенького, но он не послушал, отчего и произошёл сей скандал.

Так прошли три дня. Неожиданно стали открывать все двери и опять выводить арестованных в баню, после которой для них была организована медицинская комиссия. На вопрос, что болит и здоров ли, Музеев ответил, что повреждён позвоночник. Врач пощупал поясницу, заставил нагнуться и произнёс, что спина ровная, шероховатостей не заметно, а стало быть — полностью здоров. На этом осмотр и завершился.

После осмотра и обеда пошли слухи через разносчи-

ков пицци, что собирается большая партия заключённых к отправке. В камере весь вечер только и обсуждали, куда могут отправить. Дежурный надзиратель спать не разрешил и велел всем собираться в дорогу и быть готовыми к отправке.

Колька, проживший девять месяцев в камере и не раз видевший подобные отправки, всех успокаивал фразой, чтобы граждане пассажиры не нервничали! Пароход ещё в пути! Сам он был хромой и потому опять оставался в камере, хотя и стремился вырваться, объясняя, что там лучше, но никто и не знал, где это там, предполагая, что это «там» явно не близко от Ленинграда.

В 24 часа всех вызвали в коридор, построили, пересчитали не один раз, посадили в автобусы и повезли. Гавриил Егорович, стоя в до отказа набитой машине, мысленно прощался с родными местами, стараясь угадать, по каким улицам и мостам проезжает машина. Думая о том, что сейчас делают дома, догадываются ли о том, что его увозят. Минут двадцать машины колесили по улицам, пока не остановились у каких-то ворот. Где-то рядом перекликались паровозы. Бывалые (со «стажем») пассажиры сразу же решили, что всех доставили в комплекс пересылки.

Старожил или староста камеры обычно знакомит со всеми историями, какими богаты все места заключения. Вот и на этот раз, когда нашу партию в несколько человек поместили в камеру, то староста Колька, ознакомившись с нашими биографиями, стал рассказывать сам. И вот один из его рассказов.

В одной из камер один из жуликов проиграл в карты всю одежду и, когда уже нечего было ставить на карту, партнёр предложил ему сделку, что в случае проигры-

ша проигравший должен будет сбросить с балкона четвёртого этажа самого вредного надзирателя, перебросив его через перила, когда тот откроет дверь, чтобы внесли завтрак. Проигравший и в первый, и во второй день после проигрыша расслачиваться таким образом не стал. Тогда выигравший предупредил, что, если долг не будет выполнен и на третий день, то в следующую ночь он будет задушен. На третье утро, когда надзиратель лишь приоткрыл дверь, проигравший выскочил из камеры с криками, чтобы его увели, спрятали, так как его должны задушить. Естественно, что его перевели в другую камеру, но судьба его была уже предрешена. Пока администрация допрашивала, из камеры в камеру передавали эту историю с целью, чтобы приговор был исполнен, где бы ему не быть — в тюрьме любого другого города или уже на свободе. Так живёт этот подпольный мир.

ГЛАВА 3

Пересылка имеет большие камеры, способные сразу вместить до 200 человек. Вот в такую камеру и привели нашу очередную партию арестантов, а в ней уже было много народа. Люди стояли на голых нарах, вытянув шеи высматривали, нет ли среди вновь прибывших знакомых и друзей. Проходя мимо этой толпы в дальний угол с теми, кто приехал на машинах, Гавриил Егорович слышал реплики о том, что среди прибывших одни «фраеры» и нет наших. Фраер — это на воровском жаргоне простой заключённый, не жулик, человек никчёмный. Жулик — вот это человек.

Вся приехавшая партия, человек сорок, прошла в дальний угол, потеснила уже ранее там находившихся и стала располагаться на нарах, кто лёжа, кто сидя, и каждый со своим мешочком. Вся партия оказалась из взрослых и пожилых людей. А кто они, определить было трудно. Было несколько шофёров и грузчиков из морского порта, кассир, бухгалтер, завмаги, прогульщики и т.д.

«Хозяева» камеры тоже состояли из людей различных специальностей, но преобладали среди них хулиганы и воры. Сразу выделялись «вожди» камеры. Они, изучающе поглядывая на каждого из прибывших, в сопровождении своей «свиты» прогуливались вдоль помещения, но вскоре о нас позабыли и разместились для игры в карты, чудом находившиеся в любой камере, несмотря на строгие обыски и контроль. Играло всего лишь 6-8 человек из группы так называемых «вождей», а десятка два-три, так называемая свита, или подлизы, стояли вокруг и шумно переживали результаты карточной игры.

Вдруг шум прекратился, и все повернули головы в сто-

ропу открывшихся дверей. Вопёл дежурный и протиснулся вдоль пар, затем повернул обратно мимо группы «вождей» произнёс:

— Не горлопанить, а не то живо утихомирю.

На это один из жуликов ответил, что они рассказывают сказки. Дежурный вышел, и железная дверь с шумом захлопнулась.

Игра в карты продолжалась. Смех, шум, выкрики и матерщина оглушали весь этот улей. Одному из «вождей» в этот день сильно не везло. Он проиграл все свои деньги, успел проиграть даже ботинки, пальто и сидел в одних только брюках, так как нижнее бельё он тоже проиграл. Ему предложили играть на брюки, он задумался, встал и обвёл глазами всю камеру, дольше всего задержавшись на прибывшей группе, быстро нагнулся к банкомёту и что-то зашептал на ухо.

Вскоре шумные возгласы играющих возвестили о том, что голый «вождь» опять проиграл. Тот поднялся, вокруг стало очень тихо, да так, что даже сившие и те проснулись от неожиданно наступившей тишины. «Вождь», заложив руки в карманы, стал медленно идти по проходу в тот конец, где расположилась вновь прибывшая группа. Он шёл спокойно, чуть ли не посвистывая, в глаза бросалась его голая грудь и руки, густо покрытые татуировкой. «Вождь» подошёл к Гавриилу Егоровичу и резко произнёс слова, чтобы моряк снимал свой китель, когда же услышал в ответ, почему же китель необходимо снимать, последовал ответ, что «вождь» поставил в игре именно на этот китель и вновь проиграл. Ничего не оставалось, как возразить, что владелец кителя в карты не играл и даже не наблюдал за игрой, поэтому снимать китель не собирается, а сам в этот момент стал белее

бумаги, понимая, что вокруг одно ворьё и китель снимут силой, так как зацтитить в этой обстановке некому.

«Вождь» не стал обращать внимание на отказ, заорав:

— А долго я буду ждать. — Протянул руку к воротнику, но в это мгновение с нар раздался окрик:

— Не тронь, что ты пристал к человеку, отойди?

С нар соскочил человек атлетического сложения (один из бывших грузчиков морского порта). Рука «вождя», протянувшаяся к воротнику кителя, как от тока убра-лась назад. Хозяин руки повернулся к грузчику, смерил его оценивающим взглядом, повернул голову к своим товарищам. Там замерли, никакого движения и возгласа. В этот критический момент, лежавший рядом с грузчиком шофёр, тоже приподнялся и сел рядом с ним. Телосложением он также был доброго, как и грузчик.

«Вождь» что-то пробурчал себе невнятно под нос, медленно вернулся на своё место и произнёс, что долп за ним, и молча лёг на нары. Инцидент был временно изжит. Было о чём подумать, так как из всех в данный момент находившихся в камере, пожалуй, лучше чем моряк, одет никто не был. В чём работал, в том и ушёл: в полной форме моряка — в каракулевой шапке, чёрной шинели, синем кителе, суконных брюках, ботишках, на которых блестели новые резиновые галоши, и с первого же дня были окрещён именем «моряк», так и проводя всё время в лагерях под этой кличкой.

Грузчик подвинулся к шофёру и предложил забрать-ся к ним на нары, сказав:

— Залезай к нам «моряк», места хватит, не стесняйся.

От этих добрых слов и результата защиты от бандитов стало так хорошо, что тут же оказался на нарах среди своих защитников. А ведь было почти полное отчая-

ние, но оказалось, что и в подобной обстановке не всё потеряно. Очевидно, важно быть теснее, дружнее с теми товарищами, с которыми прибыл в новое место. В одиночку проиграешь, и это было первым важным открытием в данной ситуации.

И всё же в тот вечер всё гладко не завершилось. Когда перед сном приехавшая группа развязала свои котомки и стала ужинать, Гавриил Егорович также развязал свой мешок и достал кусок булки с пакетом масла, завёрнутым в бумагу, весом около двухсот грамм. В это время кто-то прошёл по нарам и вырвал из рук пакет. Ничего не успев произнести, он увидел стоящего над собой и ухмыляющегося «вождя», который грязными пальцами заталкивал себе в рот масло. Грузчик, оказавшийся Григорием Васильевым, тоже ужинавший рядом, спокойно встал на нарах, шагнул к «вождю», вырвал у него масло и залепил маслом всю его рожу. «Масляный вождь» покатился на нары в ноги шофёру, который ткнул его ногой в бок так, что «вождь» продолжил своё падение до самого пола. Быстро вскочив на ноги, он заорал «наших бьют», но, не видя активной помощи, стал отступать к своим.

В этот момент всё и определилось, кто в камере воры, пшана, кто задиры, так как поднялся крик - - «бей фраеров», и «вожди» со своей свитой, выломав доски от нар стали приближаться к грузчику. «Вожди» по-видимому, предполагали, что все заключённые камеры станут на их сторону и будут активно драться на их стороне, а оказалось, что большинство им лишь подпевало, а когда дошло до дела, то все вдруг стали нейтральными, как лежали на нарах, так и остались лежать. Да потому, что грузчик был не один, с ним рядом уже с досками в руках стояли все грузчики, а их было шестеро, да ещё все шо-

фёры и большинство прибывших в машине с Гавриилом Егоровичем. Народ рослый, сильный, а «вожди», как говорят в таких случаях, были хлипкими. Постояли друг против друга с кулаками и досками --- одни молча, а «вожди» с шумом и угрозами, и что могло бы при этом произойти было не ясно, если бы шум не привлёк внимание охраны, которая, зная с кем имеет дело, поверила «грузчику и быстро изолировала четырёх крикунов-вождей, в том числе и голого (масляного). Скрутили им руки, и повели в другое помещение.

Вскоре, после недолгого словесного боя, в камере утихло и все стали готовиться ко сну.

Кто же были эти нейтральные, которые не вмешались сразу, а либо ждали, чья сторона возьмёт верх, чтоб тогда и примкнуть к ней, либо совсем респали ни к кому не примыкать. В основном это была молодёжь, либо впервые попавшая за мелкую кражу, либо за хулиганство, либо осуждённые за прогулы на работе. В конце тридцатых годов и перед военными годами их было порядочно... Но поспать всем не пришлось, так как всю камеру вскоре полняли, повели в баню и роздали продукты --- по банке консервов и буханке хлеба, а затем предприняли сортировку прибывших на несколько групп. Вся ночь так и прошла, а на утро готовилась отправка, но куда и зачем никто не догадывался. Было очень грустно и тяжело, тем более что и родным не удалось посетить арестованного (через многие годы выяснилось, что и не отвечали, где находится их родственник). Не повезло, что партию так быстро готовили к отправке, и родным так и не удалось найти своего близкого, хотя через работающего в бане рабочего была сделана попытка переслать родственникам две открытки. Однако наутро всех готовили к отправке в неведомый мир.

ГЛАВА 4

Наутро уже в вагоне обычной теплушки с печкой и парашей. Дверь задвинули и закрыли на замок, окна задрены и в вагоне полумрак. Присматриваюсь. Насчиталось около сорока заключённых. Вагон разделён на две половины двухэтажными нарами. На одной из сторон хозяйски укладывались несколько человек. Когда глаза привыкли к полумраку, к своему ужасу Гавриил Егорович понял, что на нарах копопились «жулики-вожди», и было их восемь человек. Из его же партии оказалось всего три грузчика и два шофёра, а остальными оказалась молодёжь. Он даже не стал искать себе места, как сел на поперечную доску, так и сидел.

Всё пропало, подумалось. И разденут, и избыют. Кто узнает, ведь внутри нет охраны, она на площадках снаружи. Грузчики и шофёры устроились наверху на противоположных нарах от жуликов. Когда все разместились и состав тронулся, «вожди» стали открыто угрожать противоположной стороне — вот мы вам теперь покажем «кузькину мать»!

Гавриил Егорович пристроился на нижних нарах, было холодно и тесно. Первые часы ехали и гадали, куда же нас везут. Одни говорили, что в Сибирь, на Колыму — там теперь много работы. Другие предполагали, что везут в Карелию, но никто уверенно ничего не предполагал, и только к вечеру, когда на какой-то глухой станции дверь открылась и охрана проверила наличие перевозимых, кто-то из бывалых воскликнул: на север едем, на Беломорский канал. Это немного обрадовало, всё же не Колыма, а Карелия, ведь это рядом с Ленинградом, и, ещё только начав отбывать вьевший срок, можно было

размечтаться в долгую и холодную ночь, как же придётся возвращаться домой и когда же это произойдёт.

Наутро после завтрака и делёжки хлеба потянулся длинный путевой вагонный день. «Вожди» играли в карты, другие, в основном пожилые, знакомились друг с другом, рассказывали о своей работе, молодёжь, которой было человек двадцать, всегда размещалась вокруг печи, ибо тепло было только тем, кто размещался на верхних нарах, и поэтому молодёжь днём грелась у печи, ибо именно она в основном размещалась на нижних нарах.

Часть молодёжи имела тягу к «вождям» и сидела у них на нарах, смотрела за их игрой в карты, слухала их разговоры и рассказы о «вольной жизни». Другая часть вела свои разговоры возле печки. Как-то, кто-то из молодёжи вдруг стал рассказывать о похождениях, прочитанных в книге Майн Рида. Гавриил Егорович подсел к ним, и когда рассказчик исчерпал свой запас прочитанного, попытался продолжить, в дальнейшем к нему стали относиться как к рассказчику, причём этим пришлось заниматься теперь с утра и до вечера. Слушала в основном самая благодарная часть вагона — молодёжь. Потом подтянулись и взрослые, а к концу первого дня пути даже «вожди» бросили игру в карты и лежали, слушая про ранее им неизвестное. Когда очередной рассказ был завершён и уставший Гавриил Егорович захотел отдохнуть, от кого-то из «вождей» последовала реплика:

— Моряк! А ты ладно болтаешь! Продолжай. Мы слушаем!

Не зная, что делать в таких случаях, рассказчик заявил, что устал и должен отдохнуть. В это время один из грузчиков бросил реплику, что «моряк» не машина и

позвал к себе на верхнюю нару. Именно с этого момента он был втиснут в ряды противников «вождей».

«Вожди» пыгались в первый день затеять драку, но, кроме словесной перепалки, дело дальше не пошло. Вскоре «лекции» Гавриила Егоровича стали проходить в полной тишине. О чём рассказывал, даже трудно вспомнить, но вначале это был пересказ воспоминаний из Майна Рида и Жюль Верна, потом из пограничной и военной жизни, о законах природы и естествознания, из истории России и Гражданской войны.

Почему так нестры были все эти воспоминания? По-видимому, из-за того, что большинство или почти все соседи по вагону были совсем малограмотными. Вот так мы и ехали несколько дней. Вспоминается, что на пятый или шестой день эшелон остановился. Возле вагона стали бегать, слышались громкие команды, распоряжения, чувствовалось, что это необычная возня для проверки и кормления перевозимых заключённых.

Так и оказалось, дверь вагона открылась, послышалась команда, чтобы все с вещами выходили по одному после проверки по спискам. Следовательно, мы прибыли туда, где предстояло провести Гавриилу Егоровичу долгие 18 месяцев. В голове промелькнуло: сможет ли человек выдержать всё предстоящее физически, выдержит ли здоровье, моральное состояние, удастся ли вообще вернуться в свой дом, пока дошла очередь выходить из вагона. Выпрыгнув из вагона на снег, вдохнув морозный свежий воздух, посмотрев вокруг на окружающий маленькую деревяшенькую станцию лес, вернее, подступающую могучую тайгу, человек как бы преобразился. Сомнения отодвинулись, необходимо было бороться за себя, быть сильным духом, преодолевать всё и

не сдаваться. Главное — не быть одному, а с товарищами по несчастью, и, самое главное, не унывать, не оглядываться назад, смотреть только вперёд, ибо, только смотря вперёд, получаешь надежду вернуться назад, в свой дом, в свою жизнь.

ГЛАВА 5

Когда процедура передачи эшелона была завершена, новый козвой всех выстроил и длинной колонной повёл от станции в тайгу. Шли часа полтора до подступивших сумерек. Стали озираться, но ничего не заметили — никаких барачков, никаких землянок, только два длинных сарая, вокруг дремучий лес и снег по грудь.

Всего с нашим эшелонем приехало 1000 человек, хлеб и всё прочее везли с собой. Стали располагаться — хочешь в сараях, хочешь, где угодно, но, так как температура всюду — 28° С, разложили костры, возле стоишь и вроде тепло, а чуть отошёл — замерзаешь вдвойне. Запасы продуктов были съедены ещё в вагоне, в мешке остались лишь крошки от булок, печенья и сухарей. С радостью удалось собрать пригоршню из мешка и съесть, как остальное было вырвано из рук и съедено другими.

Однако вскоре выдали хлеб, но назвать это хлебом можно было лишь приблизительно. Везли его из Ленинграда, и в вагоне он перемёрз, а здесь почти весь день провалялся в снегу. Такую буханку-ледышку давали на шесть человек и дели её как хочешь, ибо ни ножа, ни топора, ни у кого не было. Часа четыре-пять спустя объявили, что будут давать обед. Что это был за обед, приготовленный тут же в снежной кухне, нетрудно представить. Суп-клёцки, то есть просто горячая мучная бурда с плавающими кусками теста с добрый украинский вареник. Есть это можно, тем более что что-либо другое отсутствовало, но вся беда была в том, что мы находились в так называемом карантине и, потому не было ни чашек, ни мисок, ни ложек. Суп разлили в небольшие деревянные бочки-кадушки, их поставили на снег и при-

казали, чтобы мы приступили к еде. Каждая бочка была рассчитана на 40-50 человек. «Жулики-вожди» стали есть первыми, и откуда-то у них оказались ложки или деревянные палочки-лопатки.

Пришлось долго уговаривать себя, чтобы подойти к этому «корму для свиней» так хотелось определить для себя эту трапезную. Когда суп немного поостыл, к нему стали подходить и прикладываться ртом, как пьют воду из ведра, потом стали по очереди руками, грязными, не мытыми 5-6 дней, залезать в бочку и тащить клёцки, запиная их в рот.

Скрепя сердце, проглатывая тошнотную слюну, подошёл и я, Музеев. Приложился к краю бочки раза два-три, закатил рукав шинели и тоже подхватил несколько скользких клёпок. А что было делать, если от этого зависело продолжение жизни.

Всё это происходило в глухой тайге, но мы, оказывается, были не одни, мы не были предоставлены самим себе. Нашу тысячную команду всё время охраняли. Ночью приказано было гасить костры и собираться, быстро всех построили и куда-то повели. Через час колонна остановилась, но впереди ничего не было видно, слышно было только как лаяли собаки. Как потом оказалось, это были сторожевые псы большого лагеря, потревоженные приходом этой партии. Долго ждали у ворот, так как долго искали начальство, потом распределяли, где разместить ночевать, и только после часового промерзания стали постепенно впускать в ворота, тщательно пересчитывая ряды, в каждом из которых было по четыре человека.

Но и в лагере ни домов, ни бараков не было видно. Оказывается, их здесь и не было. Все строения были

устроены в земле, и над поверхностью земли торчали лишь покрытия. Когда всех ввели в помещение, это оказался длинный и высокий барак с парами в два, а местами и в три уровня. Печей было мало, всего лишь три, а света не было совсем.

Пришлось забраться на верхние нары, но уснуть так и не удалось, так как «старожилы-вожди» подошли нас навесить как новичков, и если кто зазевался или был в одиночестве, то мешок из рук или из-под головы выкрадывали в один момент. Мы, приехавшие в одном вагоне, кроме «вождей», держались крепкой кучкой, в том числе и с молодёжью. Ночью, вернее, под утро, вопли какие-то писари со списками в руках и стали при свете печей выкликать фамилии, отбирая вызванных в сторону.

Пустили слух, что куда-то отбирается небольшая партия человек в двести для организации маленького лагеря километрах в десяти, где будут проводиться особые работы, и что начальник лагеря никого из жуликов туда брать был не намерен. Наша кучка очень обрадовалась, и мы хотели бы туда попасть. К нашей радости стали называть наши фамилии, куда была присоединена и фамилия Музеева. Утром всех, кого выделили, в количестве 170 человек, так и не согревшись в холодном бараке, вывели на улицу, и через ворота колонна оказалась вновь в сплошной тайге. Причём колонна охранялась всего двумя солдатами, на наш вопрос отчего столь ограничено количество охранников нам ответили, что по всей видимости, из-за того что в выделенной группе нет бандитов, да и убежать отсюда практически невозможно, да и сроки у всех очень маленькие.

Проход по тайге длился примерно часа два-три, шли

сплошными лесами и мимо замерзших озёр. Кругом тишина, красота неожиданная, а лес кругом стоит строевой, местами даже мачтовый. Впереди вдруг послышались крики, свистки. Шли мы гуськом след в след, растянулись здорово, а справа вдруг показались лоси, как маленькие коровки, и быстро скрылись вдали.

Вскоре открылась большая поляна, и на ней оказалось несколько домиков и сараев. Это и стало нашим новым лагерем. Здесь будем работать. На душе стало спокойно, что мы попали именно в этот лагерь, где не будет бандитской среды, которая так морально подавляет всех остальных.

Больше беспокоила именно эта бандитская лагерная обстановка, безграничная власть бандитов над всеми, чем условия работы и жизни в лагере. Ведь столько о них рассказов и разговоров было в тюрьме, да самому Музееву уже пришлось за десять дней многое увидеть и почувствовать.

ГЛАВА 6

Лагерь состоял из одного барака с двухъярусными нарами, кухней-навесом, кладовой инструментов, прачечной и домика старшины в одну комнату, в которой жили старшина, техник, ларёчник. Все они также были заключёнными. Начальником лагеря был демобилизованный офицер войск НКВД, охрана состояла из кадрового старшины и пяти рядовых, и все они жили в отдельном большом доме в трёхстах метрах, там же жили инженер-строитель и техник с женой-старушкой, геодезист, инженер-электрик, а также пиротехник. Да ещё и у старшины охраны была жена.

Вот и все обитатели. Лагерь был в тайге, размещался на большой поляне и был открыт со всех сторон, не имея никаких проволочных ограждений и заборов. Начальник лагеря, молодой, лет тридцати, добродушный, встретил всех у барака, когда же всех ввели внутрь и разместили на нарах, он вошёл в барак, представился Ивановым и стал всех проверять по фамилиям и знакомиться с личными делами.

Пока шли разговоры и вопросы, я стал присматриваться к своим соседям, с которыми буду жить здесь и работать. К ужасу, заметил двух «уголовных вождей» и не понял, как они попали в эту партию, ведь жуликов не должны были брать. Как потом оказалось, они уплатили писарям деньги, а писаря-то из заключённых, и включили их в списки. Когда начальник дошёл в списках до их фамилий, он стал знакомиться с их делами и вдруг вскрикнул:

--- А вы как сюда попали, мне здесь жулики не нужны. Старшина! Завтра же с утра отправить их обратно, и чтобы их воровского духа тут не было.

А вы все ЗК-ЗК (так нас называли, то есть заключённый, слово же товарищ или гражданин нас не касалось, и сами мы также не имели право так говорить, а к начальнику и другим должны были обращаться, как к гражданину начальнику или гражданину инженеру) смотрите, чтобы они до утра чего-нибудь не утащили.

Начальник ознакомил с той работой, которую предстоит выполнять. Лагерю предстояло прокладывать высоковольтную линию к бумажному комбинату на расстояние 75 км. Предстояло прорубить просеку шириной в 50 м., выкорчевать пни, вырыть гнёзда, соорудить и поставить большие П-образные столбы, навесить арматуру, натянуть провода с палец толщиной, и всё это в три очереди по 25 км.

Дорог никаких не было. Наутро, после завтрака всех построили, разбили на бригады по 20 человек и все десять бригад без охраны впервые вывели на место работы. В задачу первого дня входило протаптывание снежной дороги до главного лагеря, по которой можно было бы на санях привозить продукты и другие необходимые материалы. Снег глубиной в один метр, мороз 22 градуса, шагаем колонной по восемь человек в ряд, так прошли дважды от нашего лагеря до большого. Не обошлось без приключений, так как по пути несколько человек провалились в ручьи, которые почему-то не замёрзли под снегом. Вымокших начальник тут же бегом отправил в барак, и без всякой охраны. Всех это удивило. В числе провалившихся оказался и Гавриил Егорович. На 22-градусном морозе мокрые ноги сразу же покрылись ледяной коркой.

Роль охраны здесь была следующей: с утра дежурный охранник делал переключку, а затем побригадно под расписку с указанием числа людей в бригаде отправляли на

работу, а вечером, по возвращении, проверяли. Утром тут же находился инженер или техник, которые давали задание бригаде на рабочий день.

На второй день бригады были разведены на рубку леса. Как «слабосильный», Гавриил Егорович и ещё три члена бригады не занимались рубкой деревьев, а должны были утаптывать снег вокруг каждого дерева, расчищать место от снега, чтобы пилыщики могли приступить к своей работе. Когда дерево сваливали, мы приступали к обрубанию веток, корили стволы и укладывали стволы в соответствии с их габаритами. Деревья рубили от 18 до 30 метров огромные красавицы-великаны. Мелочь откладывали на дрова, а ветви, собирая в большие кучи, сжигали. Когда разгребали снег, то находили клюкву, оставшуюся с лета, здесь её некому было собирать. Лишь в год разочек пробежит по лесу лесник. А какая клюква! Как на рынке? Как бы ни так — крупная, как вишня, и спелая, и сладкая. Именно эта клюква сильно нас поддержала. Ели её со снегом, а впечатление было такое, как будто едим клюкву с сахарным песком.

Когда просека была прорублена, стали рыть ямы для высоковольтных опор, и их глубина доходила до 3,6 м. Рыть было очень тяжело. Сильные морозы, разные грунты — то болото, даже не замерзающее зимой, то сплошной гранит. Трасса была определена точно и прямолинейно по приборам. На одном из участков трасса проходила по сплошной гранитной скале длиной около 700 м. Расстояние между столбами составляло 200 м, таким образом, на скале необходимо было поставить три П-образных устоя. Ни лом, ни кирка не брали гранит, и тут пригодился труд пиротехника.

На третий день Гавриил Егорович, как грамотный, был

переведён в помощь геодезисту для проверки правильности направления трассы. Эта работа продолжалась целых пять дней. Геодезист был хороший человек, к тому же ленинградец. При прощании, когда были закончены геодезические работы, он с нами (со мной работал ещё один ЗК) попрощался и дал на двоих 25 рублей, чудак, при этом ещё и извинялся, что мало даёт денег, но больше он и не имел, так как получку он получит перед отъездом в большой лагерь.

После работы с геодезистом был переведён на копку ям под устои. Работа была очень тяжёлая, на твёрдом грунте, где преобладали кремний с гранитом, отбивали руки, а на мягком болотистом работали в воде, земляной жиже, а резиновых сапог было очень мало. Нормы выработывали с трудом, в большинстве случаев лишь на 80-90%. Вначале рабочий день длился по 10 часов, а позже доходил до 12-14 часов, но это было уже во время войны.

Однажды, работая на яме, со мной случилась неприятность, ведь в предыдущие годы был повреждён позвоночник, и отмечалось воспаление желчного пузыря. Первые несколько дней работы в лагере с протаптыванием снега, уборке сучьев спиленных стволов, помощи топографу-геодезисту при прокладке трассы организм как-то ещё справлялся с нагрузками, когда же пришлось копать на каменистых грунтах яму глубиной в 3,6 м одному, произошло несчастье. Вначале отбил руки, а затем, под вечер, позвоночник перестал держать тело. Под конец рабочего дня начался ещё и приступ желчного пузыря. Отдыхать, то есть сидеть на дне выкапываемой ямы, пришлось уже через каждые 15-20 минут, а попозже позвоночник уже не справлялся и сидячей позой, свалился на бок и лежал на дне ямы. Товарищи сочувствовали, но

ничем помочь они не могли, кроме обращения к бригадиру, тот не мог отослать одного в лагерь, до которого было три километра, да и не имел на то никакого права. В полузабытьи так и лежал на дне ямы и позднее услышал чей-то голос интересовавшийся, что произошло с работающим. Оказалось, что верхом на лошади приехал начальник, чтобы убедиться, как идут работы на трассе.

Товарищи объяснили ему, что Гавриила Егоровича свалила болезнь, тогда начальник слез с лошади и приказал выпнуть из ямы и посадить на коня, чтобы в сопровождении одного из ЗК отправить в лагерь, а также поручил сопровождающему сообщить о болезни лекарю и устроить на парах постель. Подобное отношение к заключённому резко повысило авторитет начальника, до глубокой ночи после работы только и были разговоры на эту тему.

На другой день от неисполнимой работы был освобождён. После ухода всех бригад на работы в лес дежурный охранник приказал оставаться одному в бараке.

Через пару часов заходит дневальный и сообщает, что начальник вызывает в канцелярию. В беседе, длившейся более часа, он узнал, кто же перед ним и по каким обстоятельствам, успокоил, коль дело передано Вышинскому, что в подобном случае ответ вряд ли задержится и, может быть, уже через один-два месяца удастся выйти из лагеря. Узнав, что Гавриил Егорович всю жизнь был военным, начальник заявил, что ему пужны честные люди, тем более не могущие по состоянию здоровья выполнять тяжёлые физические работы, и предложил стать лагерным ларёчником.

Что скажете на это, — прозвучал вопрос.

Это было экстремальной неожиданностью, тем более, что никогда не приходилось заниматься торговлей, и при-

шлоось ответить, что вряд ли смогу справиться с таким заданием, но начальник заявил, что неумение в данной работе не самое главное, достаточно того — быть честным, а в этом он убеждён, так любой другой на этом месте будет красть.

Что оставалось делать, ведь иной работы не было, а с физической работой на трассе здоровью не справиться, и пришлось согласиться с предложением начальника. Ларёк был маленький площадью в два квадратных метра, все товары и продукты находились на полках, а торговля шла через оконце. Кроме торговли с заключёнными, продукты в котёл и на руки отпускались инженерному составу, при этом приходилось вместе с поваром составлять меню на каждый день, так как снабжение кухни заключённым входило в обязанности ларёчника.

Пришлось принять всё, что оказалось на данный момент в ларьке, в присутствии охраны, составить список и доложить начальству. На другое утро была оформлена доверенность с подписью начальника в пределах до 10 000 рублей. На эту сумму можно было получать в центральных складах, на базе главного лагеря любые товары и продукты. Начальник выправил постоянный индивидуальный пропуск, с которым можно было перемещаться в радиусе до 50 км от главного лагеря. Приняв новую должность, пришлось поменять место постоянного проживания в бараке на домик старшины лагеря, тоже из заключённых. Место для сна оказалось сразу же за стеной ларька. В следующей главе появится информация, как пришлось поработать на новой пиве, что пережить и увидеть за короткий период всего лишь в два месяца, как экстремальная обстановка преподносила события, трудно прогнозируемые обычным человеком.

ГЛАВА 7

Доверенность была оформлена начальником на сумму 10000 рублей, по которой можно было получать продукты на базе. В ларьке уже находились продукты и товары, но ларёк уже неделю не работал, так как очередной ларёчник умудрился и здесь провороваться.

Что же составляло товарное лицо лагерного ларька. Так, например, для инженерно-технического состава имелись: мука, крупа, соль, макароны, вермишель, сушёные фрукты, мыло, конфеты, сахар, чай, папиросы, махорка и т.д. Для ЗК самым ходовым товаром были махорка, бумага и конверты, также дешёвые леденцы. Самым трудным был вопрос с наличием махорки, ибо есть махорка — и работа идёт. Нет махорки — нет и работы. А махорки не хватало, так как на базе её отпускали мало и этим пользовались «дельцы» из ЗК, которые из-под полы ею и торговали.

И вот впервые, без охраны, приходится отправляться на базу при главном лагере. Получив указания от начальника, под горку из лагеря оказываешься на ещё промёрзшем болоте, преодолев которое попадаешь на трассу, где работали все бригады. На протяжении 8 километров бригады, разделившись на выделенные им участки, валили деревья, расчищали трассу шириной 50 метров.

Проходя мимо работающих бригад, Музеев слышал наставления работающих: привет «заведующему», без махорки не возвращайся, махорки достань побольше. Пройдя мимо работающих бригад, оказываешься один посреди тайги, мороз не менее 20 градусов. Вокруг тихо, стоят вековые сосны и ели, зелёной стеной подымаясь

ввысь, некоторые взлетают до 30 метров, а на фоне этой зелёной красоты нет-нет да и вкрадываются белые красавицы берёзы. Берёза не простая, карельская — ствол ярко-белый, а на нём причудливые чёрные пятна. Попадает много берёз, растущих из одного корня по три-четыре стройных красавицы.

Остаться один на один посреди тайги, вначале было непривычно страшно, позже, привык к одиночеству, потом успокоился и даже обрадовался, что оказался один. В лагере стали беспокоить вши, тело стало чесаться, бани всё ещё не было, а вечером при всех снять рубашку было как-то стеснительно, хотя этим занимались все. Пришла мысль проделать эту операцию в лесу и, долго не думая, снимаю одежду, набрасываю на плечи шинель, и приступаю к осмотру рубашки. О, ужас, думал, что обнаружу одну-две вши, а оказалось, что вся рубашка покрыта шевелящимся семейством паразитов. Пришлось снимать каждого насекомого пальцами руки и определить массовость подобного явления при жизни в лагере. Вшей оказалось шестьдесят шесть штук, и попадались экземпляры сопоставимые с моделью подводной лодки, плотные, серые, противные. Сил нет продолжать подобную операцию, где вся поверхность рубашки была покрыта и более мелкими экземплярами, которые не поддавались пальцам руки, да и мороз подгонял. Пришлось надеть рубашку и продолжить путь.

Вскоре оказался возле главного лагеря, был проверен у входа в него, в том числе и наличия, всех необходимых документов. В управлении снабжения состоялся разговор с начальником. Оказывается, все кто здесь работают, были заключёнными, причём было их немало. Лишь один начальник был не заключённым, но позднее

оказалось, что не ЗК был и завскладом, а как это узналось, поведаю ниже.

Начальник, как и подобает быть всякому снабженцу, представлял собой человека толстого, с обширным животом под воешной шерстяной гимнастёркой и командирским ремнём. Оказался он мужчиной приветливым, почти ни разу не намекнул, что перед ним ЗК, правда, объясняя обязанности лагерного ларёчника, предупредил, что нужно остерегаться сделать ошибку и просчитаться, не забывая о подчинении ЗК начальнику лагеря, но в продовольственных делах и финансовых ларёчник подчинён только снабженцу и обязан выполнять только его распоряжения.

Оформив накладные и, в частности, на два ящика махорки (это 800 пачек) вместо одного, объяснив её отсутствие в лагере, что снижает уровень работы отрядов, затем пройдя до станции ещё 3 км, к сожалению, не вспомнить название этой станции, добрался до базы всех лагерей. Завскладами, некто Митрофан Митрофанович, огромного роста, немного смахивающий на А.М. Горького, был приветливым и очень разговорчивым человеком. Узнав про всю подноготную вновь представившегося, стал успокаивать, что с каждым человеком всякое может случиться, и гораздо хуже, что в работе и в честном труде время пройдёт очень быстро, хорошо, что в нашем лагере нет жуликов. Затем завскладом провёл по складским помещениям, показывая их содержание и отбирая то, что было заявлено в накладных. Он был очень удивлён, что такому маленькому лагерю, как наш, начальник отпустил целых два ящика махорки и дешёвых леденцов. На вопрос: «Всегда ли тихо на складах?», --- он ответил, что сегодня вторник

и именно в этот день почти никого не бывает, так как самые горячие дни выдачи товаров (как правило) понедельник, четверг и пятница, и в особенности суббота. Отобрав всё, что полагалось по накладным заявкам, пообещал, учитывая указанное расписание, завтра же в среду прибыть за товаром, расписался во всех накладных за все товары, которые были в упаковке. Митрофан Митрофанович подводил к каждому ящику, заставлял смотреть надписи про брутто и нетто. Попрощавшись, отправился обратно в свой лагерь.

По возвращении в лагерь был вызван к начальнику, который приказал ему обо всём доложить. Подробно изложив про всё полученное и о том, чего не оказалось на базе, очень удивил начальника в получении двух ящиков махорки, чему он был очень обрадован, и распорядился, чтобы второй ящик распродавался только по его личным запискам-распоряжениям. На другой день вместе с возчиком на санях добрались до базы, всё загрузили и без трудностей добрались до лагеря, хотя мой возчик Колька-Хромой, как его звали, опрокинул воз в лесу и нам, вывалявшись в снегу, пришлось загружать товар снова, да раскрылись две коробки с мармеладом.

Самое удивительное, что признание Кольки в том, что сани перевернулись, оказалось по вине выкуренной махорки, так как отпустил ему сразу две пачки. Он от радости свёртывал такие большие сигареты, что в голове зашумело и не удалось справиться с санями на повороте дороги.

Вот так продолжилась жизнь заключённого Гавриила Егоровича. Были очень каверзные и смешные моменты, о которых придётся рассказать ниже в следующей главе, а сейчас для примера лишь один случай.

Как-то шёл он в очередной свой вояж на базу. Шёл по проторенной тропке к главному лагерю. Бригады работающих на трассе остались далеко позади и уже подходил к концу своего пути, как увидел впереди идущего человека. Кто может быть здесь в тайге? Охрана, конечно. Так и оказалось, навстречу шёл старшина охраны, патруль, проверяющий несение службы караульных, которые сопровождают ЗК на работах. Увидев одного незнакомого человека, он не знал, что ему делать, если бы человек шёл от большого лагеря, то есть уходил бы, можно было бы подумать о побеге. Но кто же это? На заключённого не похож, ибо одет в очень хорошую одежду, ранее указанные морскую шинель, чёрные брюки, каракулевую чёрною шапку и ботинки с новыми блестящими галопами.

По выражению его лица было очевидно, что постарается выяснить, кто перед ним, куда идёт, но внешний вид человека, по-видимому, его удержал от вопросов. Гавриил Егорович продолжал свой путь, думая, что сможет ответить на возникший вопрос показом всех документов, которые были с ним. Остановит, задаст вопрос — получит ответ и увидит документы, не спросит — будет продолжать свой путь.

Пройдя более двадцати шагов, услышал окрик:

А ну, остановись!

Подходит и спрашивает:

--- Кто Вы?

В ответ слышит, что ЗК и видит представленные документы, пропуск проверяет и спрашивает, почему так нестандартно одет. Ответ, что не всем хватило лагерной одежды, да и начальник разрешил быть в своей. Уже позже несколько раз и в главном лагере, и на трассе из-

за одежды останавливали, повелевали даже её снимать, а однажды просто приказали снять одежду и переодеться в лагерную форму. Только благодаря начальнику, который в данном случае оказался в главном штабе, и, узнав, что его ларёчника не выпускают из-за нестандартной одежды на заключённом, добился чтобы его работника не задерживали и вернули его форму.

Причина всех этих событий была в том, что, когда происходили побеги, убегающие переодевались в другую одежду. Именно из-за этого никому не разрешалось оставаться в своей долагерной одежде, хотя, как показала практика, никто никуда и далеко не смог бы уйти из лагеря. Всех сбегавших находили, догоняли. Но бывали случаи, когда кому-то удавалось сбежать, но это были, как правило, бандиты со сроками наказания в 10-15 лет.

Позже со встреченным проверяющим удалось познакомиться, и при встречах в тайге он уже никогда и не проверял, и даже отвечал на приветствие и продолжал свой путь. Поинтересовался позже, почему проверяющий при первой встрече не стал проверять документы, и оказалось, что он принял Гавриила Егоровича за присланного в лагерь инженера или другого специалиста, хотел уже пройти мимо, но внимание привлекло то, что на почти новой по виду шинели оказались другие пуговицы. В начале воспоминаний вспоминалось о том, что за захлопнувшей железной дверью одной из первых процедур было срезание всех металлических пуговиц, и пришлось тогда ещё срочно заменить их деревянными палочками, ибо в противном случае рисковал всю свою одежду, вплоть до брюк, растерять. Кстати, в лагере можно было иметь пуговицы любые, но где же их было

взять, они то и привлекли внимание зрителя, так как на шинели позже разместились пуговицы и металлические, и роговые, и из настоящей карельской берёзы.

ГЛАВА 8

Однажды в тихий морозный день собирался идти в очередной раз на базу за продуктами. Всё необходимое оформил, покинул лагерь, прошёл места работ бригад и углубился в тайгу. Хорошо как! Воздух чист, дыши сколько влезет, а тишина кругом стоит такая, что хочется от радости кричать, смеяться, с любой берёзой-красавицей обниматься... Да как вспомнишь, кто ты, да почему ты здесь, так всё красивое и прекрасное за секунду до этого, меркнет. Заскрипишь зубами, руки сожмутся в кулаки, и радости конец. Но в тайге были и радостные места, напёл две красивейшие из красивых берёзок. Сравнивал их даже с девушками-красавицами, о которых пишут только в сказках. Какая из них была красивей, так и не смог определить, они обе нравились одинаково, и называл их мои милые, мои чудесные.

Увлёкся своими красавицами и того не заметил, что не один. Чувствую, что не один, ищу по сторонам, смотрю в чащу и никого не вижу, а на тропинку посмотреть и не подумал. В той стороне, куда нужно было продолжать путь, в метрах в пятидесяти сидел мишка. Самый настоящий медведь. Сидит по-собачьи поперёк тропинки, а голову повернул в сторону идущего. Увидев мишку, замер, а что оставалось делать, если даже деревянного кола не было под рукой. Вдруг в голове промелькнул эпизод из рассказов отца, что волки и в особенности медведи очень пугливы и боятся неожиданностей. Пришлось заорать во весь голос: «Ага-га! Держи его». Рассказ отца подтвердился – мишка так рванул с места, только я его и видел. Подождав минуты две, продолжил

свой путь, всё время оглядываясь назад и вправо.

Часто приходилось встречать лосей. Красивые животные, ходят обычно семьёй — папа, мама и лосёнок. Людей не боятся. Убивать их запрещено, да и некому их забивать, ведь людей в тайге мало, совсем нет.

Очень много озёр, образовавшихся после прохождения ледников. Рыба в них кишит, ловить её некому, и она даже выпрыгивает из воды. После общения с природой очень трудно было вновь переключаться на лагерную жизнь.

Однажды на базе, отпуская товары и продукты завбазы по ошибке, вместо простых дешёвых конфет отпустил 12 ящичков шоколадных, дорогостоящих. Да и я сам сплеховал, поверив ему и не прочитав наклейки на ящичках, проверив лишь их вес на весах (по 60 кг.), погрузил ящички в сани и отправился в лагерь. Оказавшись в лагере, вскрыл один из ящичков — что за чертовщина, он оказался заполнен шоколадом в серебряной бумаге. Пришлось вскрыть все полученные ящички и — они также оказались заполненными шоколадом.

Одним словом, наказал себя старик на огромную сумму, примерно в две тысячи рублей. Что делать? Сообщить на базу, но у нас с ней нет связи, а сообщать в управление не решился, чтобы не навредить старику. Пришлось доложить начальнику, который пришёл и убедившись, что всё так и есть, велел никому и никуда не сообщать, а через три дня поехать и отвезти обратно, попросив за честность снабдить лагерь ещё одним ящичком махорки.

Так и пришлось сделать. Когда подъехал к базе, заведующий стоял у входа и очень удивился столь скорому возвращению. После рассказа ему о случившемся он

просто во всё это не поверил, но когда вскрыл ящики и убедился, что всё именно так и есть, вскрикнул:

— Да как же ты их не скрыл, ведь другой на твоём месте прибрал бы всё себе, а я бы при проверке базы сел бы на три года в тюрьму.

Пришлось объяснять, что так уж от природы создан, что красть не умею и блаженствовать за счёт судьбы другого человека также себе позволить не могу. Тогда он расцеловал меня, и в присутствии других заявил, что смогу приезжать в любое время, даже в его отсутствие и выбирать любые продукты, взвешивать и брать столько, сколько нужно лагерю. Я же, Егорович, буду лишь подписывать твои счета.

Затем отпустил даже три ящика махорки и заменил шоколад на двенадцать ящичков дешёвых конфет.

По дороге в лагерь навстречу пересёкся с начальником верхом на коне, и первое его слово было о том, удалось ли получить ещё один дополнительный ящик махорки, а когда узнал, что их отпущено целых три, был он очень обрадован, так как эта махорка в условиях лагеря очень помогала строительству, ведь было необходимо закончить один важный объект к 1 Мая, а заключённые работали с большой неохотой. А чтобы подстегнуть, как выразался начальник, нужна была махорка, вот эта махорка делу и помогла.

Накануне 1 Мая заключённые должны были закончить работы, чтобы ещё помыться в бане, отдохнуть и встретить праздник. Инженеры, техники, охрана и их семьи тоже готовились к празднику. Их жёны ещё за несколько дней приобрели в лавке все необходимые продукты, в управление с докладом об успешном и досрочном завершении работ уехал начальник лагеря. Когда он куда-

либо уезжал, то оставлял за себя одного из инженеров, вот и на этот раз он оставил, забыл его фамилию, ну хотя бы Николая Николаевича. Вот и приходит этот Н.Н. в лавку, часов в десять утра и спрашивает, чем будем отмечать праздник, когда же услышал наименование продуктов, которые удалось два дня назад доставить в лагерь, поморщился и, ударив себя по щеке, сказав:

— А это?

Докладываю, что начальник ничего подобного не приказывал, тогда замещающий приказывает сейчас же, немедленно взять мешок и в нём принести 15 бутылок шампанского и водки.

На реплику-сомнение временный руководитель закричал, что он сейчас начальник, и чтобы сейчас же, немедленно я отправлялся за заказом. Ты ЗК, немедленно отправляйся. Пришлось идти пешком, а не поехать, так как снег уже начал таять, реки вскрываться, болота распыляться, и на базу можно было добраться только пешком, по тонким тропам, по проложенным жердяным мостикам в два-три брёвнышка. Выйдя утром, кое-как добрался до базы, а пока оформлял документы и получал товар, солнышко так сильно припекло, что вокруг всё растаяло и потекло.

Взвалив двенадцать бутылок на спину (это очень неудобно и тяжело), тронулся в путь где-то в районе 14 часов. Шёл медленно, и километра три было ещё сносно. Местность была возвышенная, и от главного лагеря было проложено много мосточков. Встретился охранник, проверил пропуск, заявил, что пройти далее будет очень трудно, в особенности на подходе к нашему лагерю. Сам он выглядел очень неважно, был весь мокрый и грязный.

Но это было два часа назад, как он прошёл свои шесть километров, и что же там сейчас творится, но думай не думай, а идти нужно. Признаться, уже к этому моменту изрядно устал, так как ноша была очень нелёгкая. Вот так и добрался до большой поляны, которая тянулась поперёк пути, а ширина её около километра, потом забраться на пригорок и лагерь уже рядом. При подходе к поляне обнаружилось, что вся она покрыта водой, как будто ошибся дорогой, но вот они, наши мосточки, а вот там пригорки, но до них разлилось нечто вроде озера, которое не обойдёшь. И что же делать? Идти прямо в холодную воду неведомой глубины? Время идёт к вечеру, уже сильно устал, взмок и замёрз, но идти-то всё же придётся — впереди всё же, какой ни есть «мой дом», а главное — ведь должен выполнить распоряжение, отданное ни кому-нибудь, а лагерному ЗК.

Тронулся в путь, и вначале даже показалось, что не так уж неудобно идти по сплошной воде, да и не так уж она и холодна, хотя снеговая и всего-то до колен. К счастью дно было крепкое, видимо не успело растаять, но радость была преждевременной, так как по проходе ещё только половины разлива колени уже погружались под воду, а идти ещё предстояло около полукилометра. Прибавилась и ещё одна беда, когда начало темнеть, ведь если до берега не успеть дойти до темноты, то далее можно спокойно заблудиться. Тело начинает дрожать и от усталости, и от ноши, сам стал остывать, ног уже не чувствовал, вот тут-то и наступила реакция. Стал ругаться бранными словами, какие только знал, да простят меня мои родные и близкие, ранее никогда даже не слышавшие от меня подобных слов. Проклинал тот день, когда родился, кричал на отца и мать, зачем они меня

родили.

Я кричал громко, по некому было меня услышать, а слёзы текли из глаз ручьём. Это был не плач, а слёзы обиды, затерянного в беде одинокого маленького человека, заключённого, и никому до него нет дела; жив он или мёртв, что он переживает в тайге в одиночку в канун такого светлого пролетарского праздника — 1 Мая.

Но нет! Оказывается, до меня было кому-то дело. Был человек, который тревожился за меня, и это был начальник лагеря, хороший славный человек! Я же, свинья, пишу эти строки и сколько ни ломаю свою голову, так и не могу вспомнить, какие же у него были имя, отчество и фамилия...

Вдруг в полутьме услышал крики:

— «Э-гей!»! Ларёчник! Сюда!

Метрах в двухстах двое мапнут руками, пытаюсь выйти прямо на них, иду медленно, еле передвигая чужими ногами, да и вода местами доходит почти до пояса. Этих людей послал встретить меня начальник, говорили, когда он появился в лагере и узнал, что инженер послал ларёчника на базу в такое половодье одного, да ещё затем, чтобы достать водку, так буневал, что его таким раньше никто не видел, удалось добраться до берега, как взяли мою ношу, как раздели, натирали принесённой водкой ничего не помню — потерял сознание.

Проснулся на другой день 1 Мая. Впервые лагерь не работал. Приподнялся с постели, вспомнил, что происходило в прошедший день и стал ощупывать себя, считая заболевшим, но, нет-нет организм выдержал испытание, значит, если соображаю про прошедшее, значит, жив-здоров, улыбнулся. Просто так, очевидно от радости.

ГЛАВА 9

В один из июньских дней объявили, что из главного лагеря сбежал бандит, который ещё должен был отсидеть пятнадцать лет, по национальности цыган. Стало известно, что за ним приехали цыгане и где-то в условном месте в тайге должны были встретиться со сбежавшим, произвести перседевание и передать железнодорожный билет. Всем заключённым было приказано, что об увиденном подозрительном чужом человеке нужно было немедленно сообщить охране. Всем сообщили, что заключённым, которые окажут помощь в поимке беглеца, намного будет сокращён срок личного заключения. Все заключённые приняли это распоряжение к сведению, и вечером, по возвращении с работы, один из заключённых заболел! Кто-то пошёл за лекпомом, чтобы припёл и оказал больному помощь. Лекпом был молодой парень и должен был отсидеть четыре года. Когда постучали в его каморку, она оказалась запертой.

Как потом оказалось, лекпом попросил разрешения принять участие в поимке беглеца, он, как и Гавриил Егорович, имел постоянный пропуск, взял в руки увесистую дубинку и ушёл в тайгу. Говорили, что он это проделывает уже не впервые, желая за счёт поимки беглеца сократить срок своего пребывания в заключении. В главном лагере бандиты, якобы узнав об этом, уже предупредили лекаря, что если он не бросит охоту за беглецами, то его ждёт смерть. И всё же, несмотря на подобную угрозу, он вновь вышел на охоту, но на этот раз ему не повезло, бродил день и ночь по тайге, и всё напрасно. Беглец же был пойман быстро и очень просто.

Всё произошло на моих глазах, когда бригады возвра-

тились на обед и по сигналу дежурного все, приготовив миски и котелки, потянулись под навес к кухне. Там были построены столы, и в летнее время здесь заключённые обедали, зимой же еду приносили в барак. И я, приготовив свою миску, пристроился к очереди за супом, очередь была порядочная — человек на шестьдесят-восемьдесят. Стою и прислушиваюсь к разговору заключённых и тема была обычной на животрепещущие выработки, о еде, о стахановской надбавке, о хлебе и махорке. Увидев меня, стали выпрашивать о дополнительной продаже махорки и леденцов. Вдруг кто-то громко закричал, что появилась охрана из главного лагеря с собаками. Напа столовая открыта со всех сторон, и вся тайга, окружающая нас, хорошо просматривалась, тем более, если идти из главного лагеря через большую заболоченную поляну. Четыре охранника и две собаки направлялись прямо к нашей очереди, когда подобралась ближе, стали спрашивать, не видел ли кто в лесу во время работы посторонних людей. Потом, буквально через несколько секунд, один из охранников, державший поводок собаки, стал внимательно к ней приглядываться. Собака сначала бросилась к лесу, потом повернула к бараку, опять вернулась к кухне и стала искать вдоль очереди среди заключённых. Стою на месте, зная, что собака на меня не набросится, не беглец ведь, мой запах, запах моей одежды ей не знаком, но, видя её стремление найти и наброситься на отыскиваемого беглеца, становилось немного не по себе. Думаю, это же чувство было и у других, так как до этого кричащая и говорившая очередь вдруг сразу затихла. Каждый постарался отойти чуть в сторону, но это не помогло бы, ибо собака обходила каждого, а затем рывком на три метра вперёд рва-

нулась и вцепилась в руку одного из заключённых.

Это был лет под сорок черноволосый заключённый. Когда собака схватила его за руку, он держал в ней большую консервную банку, но тут же её и выронил. Все заключённые замерли, а охранники подошли к схваченному собакой, освободили его руку и увели. Это и оказался беглец-цыган, которого уже искали несколько дней, которые он бродил по тайге, но смог уйти только на восемь километров, так как заблудился, несколько дней не ел и случайно набрёл на наш лагерь. Он долго присматривался к лагерю, а когда рабочие стали выстраиваться в очередь за едой тут он не выдержал, решил смешаться с остальными, подобрал около кухни какую-то банку и стал в очередь.

Представляется, что, если бы на него не выпшла бы собака, и повару он показался бы подозрительным, так как в консервных банках пищу никто не принимал. Пригляделся бы, спросил бы, из какой он бригады, а кто-либо из охранников всегда присутствовал на раздаче.

Беглеца увели. Нужно было видеть, как горевал наш лекном, ведь двое суток бродил с дубинкой по тайге, чтобы поймать беглеца и сократить срок своего пребывания в заключении, а тут у себя, в десяти шагах, на кухне (он всегда был на кухне для опробывания пищи перед её раздачей) и прозевать. Он шумел, бесповался, но что толку.

Сегодняшний день должен быть банным, по почему-то приказали завтракать, собрать вещи и построиться. Никто ничего не знал. Входит начальник и с ним охранник, приказал мне передать деньги и весь товар охране, и всё это проделать за два часа, и ушёл.

Позднее охранник Веселов сообщил мне, что началась

война, немцы и финны напали на страну.

Деньги и продукты сдал с недостачей 1200 рублей из-за выдачи продуктов инженерно-техническому составу в долг по приказу начальника лагеря, а этих людей уже нет, так как уже ночью они отбыли в военкомат. С кого же получить недостающую сумму? Начальник разводит руками, хотя понимает, что мне грозит статья за растрату средств. Беру свой мешок, пристраиваюсь к колонне, направляющейся в главный лагерь.

Жаль было расставаться с обжитым местом, и место было хорошее, и начальник неплохой человек. Что будет в главном лагере, что там происходит, где преобладает одно жульё. К обеду подошли к главному лагерю, быстро распределились по баракам. В первую же ночь около двадцати раз бандиты обшаривали карманы и мешок. Они искали большие деньги, так как уже узнали, что я был ларёчником в нашем лагере, а у меня в кармане было всего 42 рубля --- оклад за четыре месяца, но и те уже отдал в погашение случившегося долга.

Разочарованное жульё отходило прочь. Мне нечего было бояться, ничего ни имея при себе. Но, поймите, как омерзительны были прикасания их грязных рук, омерзительно было то, что ничего не мог им сделать, ибо это бесполезно — это вынужденная смерть (ночью задушат или зарежут). А словам они не верят, но на утро меня оставили в покое, убедившись, что, так называемый «директор» на их жаргоне, в финансовом отношении гол, как сокол.

Целую неделю весь лагерь (около семи тысяч человек) ничего не делал, но позже всё же стали выводить на работу, на трассу, но не строить, а ломать и уничтожать уже сделанное. То, что мы с таким трудом в болоте, на

граните установили, теперь всё снимали, ломали и взрывали. Не верилось, что сюда смогут добраться враги, что всё сделанное попадёт в их руки. Грустно было уничтожать то, что с таким трудом делалось. У некоторых на глазах были слёзы.

Враг становился всё нахальнее, иногда прилетали самолёты и мешали работать. Над лагерем пролетали часто, но по заключённым не стреляли, а разбрасывали листовки, задабривая нас, как обиженных государством, но зато весьма усердно поливали из пулемётов бараки нашей охраны.

Прошёл слух, что большинство из заключённых будут освобождены и отправлены на фронт. Несколько заключённых, в том числе и я, заявили начальнику о добровольном желании пойти на фронт, и сообщили, что если разрешат, то очень многие сделают то же самое. Администрация дала разрешение подавать заявления, и мы собрали около семисот заявлений, то есть семьсот человек тут же готовы были пойти прямо на фронт, однако начальник большого лагеря все заявления отобрал и заявил, что советская власть в нас не нуждается, обидно было, зачем эта комедия, ведь искренне стремились на фронт. И так надругаться! А жулики ни один не подали заявления. Они смеялись над нами, говоря — идите войте, а мы тут отсидимся и будем живы и целы. Говорят, что раньше, до нашего прихода в лагерь, некоторые, в особенности молодые, не доедали, пормы не выработывали, а еду свою выменивали на махорку и умирали. А «умный» начальник не нашёл ничего другого для воспитания и стал выставлять умерших за ночь у ворот, что бы все видели, что станет с теми, кто не будет работать, выполняя поставленную норму. Этого начальника

мы уже не застали, говорят, что он был снят с должности.

В конце августа нас по-бригадно стали увозить куда-то на машинах, так и нашу бригаду посадили на машину, возили долго, пока не привезли к какой-то пристани. Выгрузили из машины и стали загружать на баржу, где накопилось уже масса заключённых, примерно несколько тысяч человек, когда напн две машины были приняты конвоем, всех погрузили в трюм огромной баржи. Спустившись вниз корпуса баржи, мы заметили, что все аппетитно чавкают, улетая буханку хлеба и банку консервов. А как же быть нам? Кто обеспечит снабжение прибывших? Не верят, смеются, мол слопали, и ещё хотите получить добавку. Пришлось вызвать начальника конвоя и заявить, что никаких продуктов не получали, но он не поверил.

Баржа загудела как улей, даже жулики кричали. Мог бы произойти бунт, требуя выдать паёк на пятьдесят прибывших. И тогда мне пришлось подняться наверх к часовому и потребовать вызова начальника конвоя. Когда подошёл офицер в звании майора, пришлось вновь всё ему объяснять, сказав, чтобы он на секунду забыл, что я ЗК, что я такой же майор в прошлом, как он сейчас, и прощу его мне поверить, что пятьдесят человек, приехавшие на двух машинах, продовольствия не получали. Попросил его не возбуждать заключённых, поверить мне и выдать питание прибывшим. И майор поверил...

Когда я и ещё десять человек несли буханки хлеба и консервы, выданные, на всех прибывших, то нужно было видеть, что произошло на барже, так как никто не верил, что переговоры приведут к нужному результату.

Когда я спускался с продуктами, меня встретили криками, взяли на плечи и понесли по всем отсекам огромной баржи, крича на своём воровском жаргоне, что вот этот «фрайер», то есть не жулик, а добился у начальства выдачи пайков на пятьдесят последних прибывших.

С тех пор я был под опекой, меня даже во время сна ни один жулик не смел тревожить и тем более обыскивать. Между тем перед отъездом прибыла комиссия и стала отбирать ЗК для отправки на фронт. Я обрадовался, но поторопился. На фронт отправляли тех, кому осталось быть в заключении менее одного года, а у меня оказался ещё один «лишний» месяц, и тут не повезло. Таким образом, из Карелии на барже, потом поездом перевезли в другой лагерь под городом Пермь.

ГЛАВА 10

Приехали в Пермь. Это только писать можно быстро, а ехать... да ещё заключённому? В пути оказались ещё и пересылочные станции. Опишу одну из них, которая находилась на конечной пристани, где всех заключённых с прибывших барж пересаживают в вагоны. Пока высалят, да пока соберут маршрутную партию, да пока подадут вагоны, а их было мало, ведь шла война, и они были нужны для перевозки войсковых соединений, приходилось долго ждать. Для этого лагерь имел специальные длинные сараи, три стены, нары в два этажа, причём передней стенки сараи не имели, скорее их можно было назвать стеллажами. Вот в них-то и приходилось провести по несколько дней. В них было жутко находиться и в таких лагерях приходилось пребывать многим заключённым, прибывающим со всех мест заключения с северных территорий. Каждая новая баржа с каждой новой партией заключённых служила материалом для обработки жульём.

Днём нас не трогали, но стоило только стемнеть, как они стаями, одна за другой обрабатывали прибывших, забираясь на нары и обпаривая всех по очереди. Обпаривали по очереди, переступая через спящих. Вот подходит ко мне первый, лежу на спине, мешок под головой, не шевелюсь, шагнул в мою сторону, смотрит мне в глаза, а я ему говорю: «А ну мотай отсюда». Жулик не ожидал такой смелости или принял, что перед ним тоже жулик, то ли просто сдрейфил, они ведь, между прочим, во многом трусы, перешагнул через меня и пошёл к следующему новенькому. Так удалось устоять перед всей их бандитской командой.

Но эта партия прошла, а за ней уже потянулась следующая. Повторить сделанное на этот раз я не решился, а когда подошёл момент, глядя очередному негодяю в глаза, приподнимаю голову, издаю свист не громко, но так, что слышно было для всех в сарае. Произошло удивительное — все мгновенно исчезли, кто лёг рядом, кто убежал, и только через две-три минуты я узнал причину. К сараю подходил охранник, который для порядка через определённые промежутки времени проходил мимо. Стало быть, именно это жульё и испугало. Ага, стало быть, именно этого они боятся, поэтому, как только в сарай забиралась очередная партия жульё, я свистел, и к рассвету вся эта «комедия» прекращалась, а я засыпал, как убитый.

Спросите, почему я это делал целых две ночи, ведь у меня нечего было брать! Нет! Почему печего! На мне была чёрная шинель, китель, ботишки. Этого уже было достаточно, чтобы, как говорят, остаться, в чём мать родила. Но меня ещё пугало и другое, видя их приближение, обшаривание, я представлял их как нашествие крыс, серых, больших, с длинными противными хвостами. И они будут касаться своими грязными лапами всего меня, нет, это невозможно, я не выдержу и заору, а этого делать нельзя, пырнут ножом или, как обычно, тихо навалятся и задупат, и не видеть бы тогда нашего солнышка на этой земле.

Всё же через какое-то время нас перевели под город Пермь в так называемый карантинный лагерь. Поселили в настоящих бараках, а по утрам выводили на корчёвку шней. Это была трудная работа, так как, кроме лома, топора и лопаты, никакой техники не было, а нормы по корчеванию были огромные и, естественно, зарабатыва-

ли только по 400 грамм хлеба, о 600 гр. только мечтали, а о стахановском пайке могло присниться только во сне.

Выдался жаркий день, каждый подумал, каким же тяжёлым он будет, но оказалось, что и заключённым иногда выпадает счастье. Рядом из леса с грохотом вышел огромный трактор «Коммунар» и сидевший за рулём красноармеец, лихо остановив на опушке трактор, подошёл к охраннику и что-то стал ему говорить. Тот пожал плечами, посмеялся, закурил, и вдруг тракторист вскакивает на сиденье, заводит двигатель и, о чудо, повёл трактор на пни. Тянет пень, на первой скоростной, пень, который мы окапывали, рубили и вытаскивали по два-три часа, за две-три минуты оказывался вывернутым из земли. Через час он перевернул корней на целую неделю с выработкой на 125-130%, то есть на стахановскую норму. И это дней восемь мы будем есть и первое, и второе, и третье за обедом, а также получим право купить 900 грамм хлеба и 200 грамм масла.

Тракторист под наше громкое «ура» лихо развернулся и уехал обратно в лес. Нам не верили, но работа налицо, да и охранник подтвердил, что поле всё выкорчевано. Две бригады, около 40-50 человек, десять дней были сыты.

Что ещё в памяти о пребывании в этом промежуточном лагере осталось — это нахождение в нашей бригаде «вождя» жуликов Сапки-Одессита (такая у него была кличка). Ходил он в чистом костюме, галстук, на ногах красовались туфли и чистые шёлковые носки. На работу ходил, когда хотел, а если и выходил, то не работал, а лежал в стороне и говорил, что работа дураков любит, а в конце дня у него в сводке всегда стояла цифра 125%, то есть он стахановец. Так складывалась жизнь в лагере

в 1941 году, курил он не махорку, а только папиросы высшего сорта. Откуда и кто ему их доставал, никто не знал.

В этом лагере, идя на работу, вещевого мешок сдавался в камеру хранения, но однажды какому-то жулику всё же как-то удалось вытащить из моего мешка моё одеяло, что считалось в лагерной жизни вещью из дома. И вот его не стало, а ещё зимой в Карелии, чтобы не мёрзли ноги, приходилось отрезать целую полосу от одеяла на портянки. Но ребята шепнули мне, кто изловчился и украл одеяло, я пожаловался Сапке-одесситу, что жулик украл у меня одеяло, ведь он числился в нашей бригаде. Он ответил, что если я докажу, что одеяло моё, то его мне вернут, Я согласился на это условие и минут через 15-20 у него собрались несколько жуликов, на то и «вождь», он что-то им сказал, и те удалились. Вечером подзывает меня к своим нарам, показывает два одеяла и спрашивает, есть ли среди них моё. Показываю на серое солдатское сукно одного из одеял, а он спрашивает, а чем докажешь, что твоё. Быстро сажусь на пол, снимаю ботинки казённого образца, развёртываю с ног оба куска и прикладываю к указанному одеялу, конечно, они точно такие же по цвету и сошлись по длине отрезанного и ширине. Тогда «вождь» показывает на одного из жуликов, даёт ему увесистую затрепину, приговаривая:

«Нашёл, у кого красть, сошла!». Так одеяло вернулось ко мне.

«Пришлось быть свидетелем ещё одного интересного случая. Не раз уже отмечал, что в лагерях всегда были некие «вожди» уголовников и свои неписанные законы. «Вождь» верховодит, управляет своими подчинёнными.

Однажды произошёл такой случай, когда раздатчики хлеба получили его со склада для раздачи и несли его к заключённым, вдруг кто-то набросился и выхватил несколько паек и убежал в темноту. Естественно, все пожаловались начальнику, и тот вызвал именно «вождя», стал его упрекать, что жулики украли хлеб. Тогда «вождь» ответил, что гражданин начальник должен же знать — это не мог сделать жулик, ибо он способен украсть вообще всё и даже оставить человека голым, но никогда не украдёт кровную пайку хлеба, И это оказалось или просто совпало, но в данном случае действительно паек хлеба украл не жулик.

«Вождю» положено разбирать жалобы, всякие споры среди жуликов. Был ещё и такой случай. Я спал на верхних нарах, а поскольку «вождь» был в нашей бригаде и он спал на верхней полке, но напротив меня. Однажды неожиданно просыпаюсь от шума, смотрю между нарами полно парода, и к своему ужасу замечаю, что это оказались все жулики, не просто рядовые, а так называемые активные. У стены стоит «вождь» Сашка-одессит, руки заложил за спину, где просматривалась огромная дубина. Мой сосед шёпотом сказал: «Ложись моряк, это идёт воровской суд». Только тогда обратил внимание на пожилого мужчину лет 45-50-ти огромного роста, про которого знали, что он имеет статью за воровство, но воров не был, но коль статья такая, он, как новичок, подпевал вора. И вот именно он и оказался обвиняемым, а за что, стало ясно чуть позднее. Перед этим событием он был за что-то администрацией наказан, — получив несколько дней, сидел в так называемом карцере, и вот когда он лежал на нарах в этом карцере, дверь приоткрылась, и в карцер втолкнули мальчишку — молодого

вора лет семнадцати. Если вор в беде, то другой вор должен ему помочь. Когда этот воришка захотел прилечь на нары, то места там не оказалось, а спать на асфальтовом полу верная простуда. Воришка стал обходить нары, увидел этого взрослого вора, с радостью подсел к нему и хотел прилечь, прося подвинуться, но пожилой мужчина на это ответил ругательством, когда же молодой не стал слезать с нар, пожилой ногами сбросил его с нар на пол. Молодого приютил другой, но не жулик, потеснился и дал мальшпу место. После срока отсидки в камере мальчишка вернулся и пожаловался «вождю». В этом и состояла сложившаяся ситуация.

Слышу вопрос «вождя» к осуждаемому, было ли на самом деле так или нет. Обвиняемый, пытаясь оправдаться, говорил, что он не узнал своего и не хотел сделать что-либо плохое. Раздался вопрос, признает ли он свою вину, что нарушил правила «вор-вору друг, а не враг». Обвиняемый угрюмо молчал, тогда «вождь» обратился к окружающим и они хором ответили, что правила осуждаемый нарушил. Затем другой вопрос, виновен ли и все ответили, что виновен. «Вождь» подумав немного, тихо, но внятно говорит — три удара. Все отошли, обвиняемый упал на колени и, прикрывая голову руками, прошептал: «Не буду». «Вождь» шагнул вперёд и с размаху нанёс три сильных удара дубиной. Удары пришлись по голове, плечу и руке, и обвиняемый, по-видимому, потерял сознание, так как он повалился на пол и не двигался.

Всё, шум был услышан охраной, и в барак заглянул дежурный по охране, но у входа предусмотрительно был выставлен дежурный жулик, который успел подать тревожный сигнал. Все сразу разбежались по нарам, а око-

лю меня оказался и улёгся рядом даже какой-то из другого барака, и всюду стало тихо, только вопевший дежурный увидел окровавленного обвиняемого на полу.

Дежурный поднял старосту барака, начались расспросы, но ничего не узнал, а сам потерпевший объяснил всё тем, что он с кем-то подрался и даже не помнит с кем. Другого он и не мог сказать, ибо жизнь дороже.

Вспоминается и ещё один случай. Желая сохранить свою одежду, я снял ботинки, галоши, положил в мешок и сдал на длительное хранение, чтобы не украли в бараке. Хранилищем заведовал не заключённый, вольнонаёмный гражданин, и когда однажды, желая взять что-то из мешка, я обнаружил, что мои хромовые ботинки отсутствуют, на мои вопросы к начальнику ничего не добился. Жулики, узнав об этом, подняли голоса, что к прошаже ботинок отношения не имеют, ведь мы давно могли бы их украсть, но не трогали их, уважая моряка. А тут, оказывается гражданский вольный человек, который обязан охранять последние жизненные пожитки заключённых, сам стал хуже вора. Но ничего не помогло, почти новые ботинки исчезли бесследно, а начальник на мою вторую жалобу по этому вопросу просто выгнал меня из капцелярии, назвав меня самого жуликом. Вот и дожил до того, что за собственное имущество обозвали жуликом, только чему же удивляться, ведь идёт война, а ты всего лишь заключённый!

Вскоре все эти невзгоды ушли в прошлое и стали забываться, так как меня, вместе с пятьюстами заключённых, выделили из караantina в какой-то другой лагерь. Где он, близок ли, далёк ли? Что мы там будем делать? Выдержу ли? Удастся ли уйти на фронт? Всё должно было выясниться — терпение и ещё раз терпение.

ГЛАВА 11

Новый лагерь, куда было отправлено около пятисот человек, отстоял от города в 15 км. Это оказалась огромная строительная площадка для возобновления деятельности эвакуированного харьковского авиазавода. О войне почти ничего не пишу, так как газет нам читать было не положено, знали мы только, что наши войска с тяжёлыми боями отходили всё дальше и дальше на восток страны.

Вывешивали одну газету в центре лагеря, но её кто-то тут же умело сдирал, её использовали на игральные карты и курево. Только по прибытии в этот новый лагерь газет мы получали достаточно, но об этом речь пойдёт особо. В новом лагере разбили на бригады, и жуликов тоже было достаточно. Нам объяснили, что здесь начато строительство авиазавода по выпуску боевых истребителей, но работы только начались, и пока идёт лишь кладка наружных стен, а самолёты уже начали производить без остановки под открытым небом при морозах 20-30 градусов.

Мы приступили к работе в основном на стройке, иногда участвовали на погрузочных работах или в цехах, где собирали самолёты. С неделю пришлось копать глубокие траншеи, потом перевели на лесопильную раму для распилки брёвен, досок и др. И наконец, меня сделали бригадиром по гидроизоляции всего строительства.

Как проходила жизнь в лагере? Начальником данного лагеря был одесский еврей, тучный, гражданский человек, а как он попал на эту должность, нам было неизвестно. Комиссаром лагеря была русская пожилая женщина и тоже из Одессы. Однажды меня вызвали к началь-

нику лагеря, где в это же время находилась комиссар, и мне было предложено быть помощником комиссара лагеря. В мои обязанности входило воспитание молодёжи, которой в лагере было около половины от всего состава заключённых. Мне вменялось проводить работу по поднятию работоспособности ЗК, выпускать стенную газету, читать газеты по баракам и проводить там беседы.

Пришлось заявить, что я всегда был беспартийным, поэтому как же мне можно доверять подобную работу, на что комиссарша ответила, что членов партии в заключении не бывает, так как они из партии исключаются. Пришлось согласиться, мне выправили постоянный пропуск, чтобы мог свободно перемещаться всюду по стройке. Заключённые, узнав, что мне предстоит работать помощником комиссара лагеря, сразу же заявили, что я загоржусь, оторвусь от товарищей и т.д., но я заверил их — буду тем, кем был до этого.

В лагере многие не могли выработать норму на 100% и получали 400 грамм хлеба, утром пустой суп, вечером пустой суп, в обед пустой суп и небольшую порцию кашицы, но это не потому, что сил не было, а потому, что не хотели хорошо работать, да и были кое-кто подбивавшие ЗК на это. Особенно на эту удочку ловилась молодёжь, даже иногда совсем отказывались выходить на работу по всяким другим причинам. Были случаи, когда требовали одеть с головы до ног во всё новое, но этого невозможно было сделать --- либо лагерь не имел одежды, либо рискованно было такого заявителя одеть, ибо он сразу же продавал или пропивал. И вот такому заявителю отказывают, а он возьмёт и на морозе в 20° С разденется догола, сбросит все свои тряп-

ки и бегают голым по всему строительству, орёт, что его не одевают, что дают мало хлеба. Охрана за ним бегают, ловит, потом насильно одевает, посадит под арест, кое-что всё же дадут и снова отправляют на работу.

Эти явления считались очень нехорошими. Администрация отвечала за каждый такой невыход ЗК на работу, отвечала за болезни и смерть ЗК, поэтому в мою задачу и входило не допускать подобных явлений в лагере, предупреждать их, а также убеждать о необходимости выполнения работ на 100 и более процентов, что поможет быстрее пустить завод, но при этом сохраняет здоровье самих ЗК.

Думаете, мне стало легче? Как бы не так! Я стал работать больше, везде, на всех участках, и почти по всем специальностям. А почему? Потому что вечером узнаю, что такой-то не выполняет нормы, хлеба получает мало, недоедает, слабеет духом и телом. Наутро иду в бригаду, подхожу, скажем, к Петрову, беру свободную лопату и рою с ним вместе траншею, советую, как легче работать, даю нормальное время на отдых. И так, поработав часа два, ухожу в другую бригаду к другому, скажем, по погрузкам чего-либо, потом прихожу опять к Петрову к концу дня, замеряем с бригадиром его работу и, если чуть не хватает до 100 процентов, мы приписывали недостающее для поднятия духа молодого человека. И так продолжается 2-3 дня, после чего Петров становится твёрдо на ноги.

Я писал ранее, что мне удалось сохранить свою морскую форму, в том числе и каракулеву шапку. Жулики давно на неё зарились, да с головы содрать не решались, а ночью я либо спал в шапке, либо сдавал её в камеру хранения. Когда перешли в этот лагерь, рядом со мной в

бараке очутился мальчишечка лет семнадцати, и чувствую, что он явно хочет быть со мной и даже попросился в одну бригаду. Когда разговорились, оказалось, что зовут его Валентин и он из Ленинграда, жил на Петроградской стороне. Отец его профессор, механик, а он — жулик, но видно, что жуликом он стал случайно. Попросил его рассказать, как он попал в лагерь.

Ещё юным мальчишкой он очень любил сладости, сперва просил мать покупать ему, когда же стали отказывать, стал прятать деньги и сам ходил в кондитерские и покупал себе шоколад.

Однажды денег не было, шоколада съесть очень захотелось, припёрл в магазин на Невском проспекте и долго любовался на разложенные плитки шоколада под стеклом. Глаза бегали, руки маминально ползали по стеклу, выбирая себе плитку, и вдруг одно из стёкол заколебалось, мальчик удивился, потолкал стекло снизу вверх, приподнял его и оно поддалось. В образовавшуюся щёлку мизинцем вытащил плитку, всего одну. Опустил стекло, поглядел по сторонам, никто не заметил, кругом толкался народ, занятый своим делом. Так был сделан первый шаг, и с этих пор деньги тратить на шоколад мальчик перестал.

Когда хотелось полакомиться, он шёл в крупные кондитерские и так наловчился работать, что любую витрину возле прилавка вскрывал, имея при этом уже кое-какой инструмент и брал уже не одну плитку шоколада, а много, и не только для себя, угощая товарищей и подружек. Никто не знал, что мальчик их крадёт, все думали, что пана-профессор так балует сына. Однажды, когда, в очередной раз вскрыл витрину, он выпел из магазина с полным карманом шоколадных плиток, к нему подошёл

парень лет двадцати и тихо сказал: «Дай-ка и мне полакомиться, ловко ты, парень, орудуешь».

Валентин попробовал огрызнуться, но парень продолжил разговор, сообщив, что всё видел, и предложил пойти побеседовать в сквер. Там он признался, что он вор, но такой мелочью не занимается и предложил помочь ему в одной небольшом деле, тогда Валечка будет иметь столько денег — долго и без риска сможет покупать себе шоколад.

Валентин вначале возмутился, сказав, что он не вор, так поступает для своего удовольствия, но парень доказал ему, что есть шоколад, минуя кассу тоже воровство. И уговорил Валентина один только раз помочь ему в одном не очень трудном деле; мальчик долго отнекивался, упрямылся и согласился поучаствовать всего лишь один раз. Ему показалось, действительно пустяком предложение уцепиться за задний борт проезжающего мимо грузовика, забраться в машину и выбросить десятка два тюков джемперов завода «Красная заря».

На этом и договорились. Машину подкараулили у памятника «Стерегающему», затем Валька забрался в кузов и стал выбрасывать тюки, но увлекшись, не заметил идущую сзади легковую машину, в которой сидели офицеры. Когда он спрыгнул с кузова грузовика, из легковой машины выпрыгнули два человека и схватили мальчишку. Парень же скрылся, а Валентин, не зная даже, кто его соблазнил, был отдан под суд и получил 1,5 года. Жулики его считали своим, но он всё же был парень хороший. Всё, что с ним случилось, можно было принять за случайность. Мы с ним подружились, и я взял его под свою опеку.

Как-то в один из холодных дней просыпаюсь утром от

того, что мёрзнет голова. Подумал, что шапка свалилась, ищу вокруг, а её нет. Рядом спит Валентин. Бужу его, спрашиваю, не видел ли шапку, он ответил, что не видел, но мне показалось, что он не стал со мной долго разговаривать, а сразу же встал и вышел из барака. Пришлось заявить старосте барака, давсё без толку, а на улице мороз 20 градусов. Кто-то дал летнюю старую кепку.

День отработал кое-как, а в голове не укладывалось, как же теперь без шапки работать на морозе, тем более, что зима только начиналась. Шапку, наверное, всё же дадут, но когда это случится неизвестно.

Терзался, кто же всё же украл мою шапку, подозревал, что не может быть, чтобы к этому не был причастен «вождь» жуликов, который, кстати, спал напротив меня на парах. И если не сам, то наверняка приказал выкрасть кому-либо из своих поделщиков... Но шапка моя в тот же вечер чудом вернулась ко мне, и произошло это так.

После столь неудачно начавшегося дня, расстроенный, я лежал на койке, когда ко мне подошёл ЗК, не наш, а из соседнего барака, и попросил выйти с ним на улицу, где и заявил, что знает, кто украл мою шапку, так как к ним в барак утром приходил вот тот пацан и предлагал купить шапку. Я вскрикнул:

— Валька!? Быть не может, он уже не вор, всё в прощлом!

— Как хочешь, дело твоё, можешь не верить, только шапку твою он унёс обратно, так как дорого запросил, и никто её не купил, — ответил пришедший из соседнего барака.

Мне же пришлось обратиться к старшине нашего барака и всё услышанное ему рассказать, после чего ста-

роста вместе со мной и кладовщиком камеры хранения вызвали Вальку и потребовали показать его мешок. Старшина вытряхнул мешок, откуда чёрным котом выкатилась моя шапка. Я пригляделся к Вальке и сразу понял, что он не виноват, тем более, что он тут же с плачем повалился мне в ноги и запричитал: «Дядя Гаврюша! Бейте меня, бейте по морде, но я не виноват, меня заставили, грозилась изуродовать, если ночью не сниму шапку с вашей головы. Я должен был шапку продать и отдать деньги на водку «вождю».

Затем вступил староста барака и предложил разбираться самим, а начальнику докладывать отказался, да и я попросил его не делать этого. В тот вечер мы долго беседовали с Валькой, а когда вернулись спать на свои нары и легли, лежащий напротив нас «вождь» презрительно улыбался. Это была бытовая история в лагере, но приходилось присутствовать и при значительных по тому времени делах и событиях.

Мне приходилось иногда бывать и в «цехах» завода, когда шла выгрузка готовых истребителей. В «цехах» шипу в кавычках, так как цеха представляли лишь отчасти возведённые стены, а вместо кровли натягивался брезент. Хотя мне, как ЗК было очень печально присутствовать здесь, но всё же с восхищением в такие дни смотрел на девушек-девчонок, ещё детей. Они были одеты в фуфайки, на которые натягивался комбинезон, и при низких морозах практически на улице были вынуждены протискиваться в узкие фюзеляжи истребителей и голыми пальцами производить монтаж электрооборудования, натягивая голыми пальцами и монтируя десятки метров тоненьких проволочек и ввинчивая малюсенькие винтики в алюминиевый корпус. Работали лёжа на спине, за-

мерзали так, что терпеть было невозможно, тогда вылезали и начинали скакать, чтобы как-то согреться, дуть на перемёрзшие пальчики. Но тут же подходили начальники и начинали подгонять девчонок, чтобы побыстрее приступали вновь к монтажу оборудования, причитая, что вокруг уже толкуются приёмщики и даже приехали лётчики.

Так усилиями всего народа страна приступала к самозащите от нашествия, даже усилиями юных девчонок армия пополняла потерянное вооружение. Нам же, заключённым, оставалось подхватывать готовый уже к отправке истребитель, дружно в полсотни рук, чуть ли не бегом выводить его из-за стен цеха на аэродром, располагавшийся рядом. Лётчики и приёмщики заводили мотор, опробовали двигатель на земле, а потом взлетали в воздух. Таким образом, приёмка проходила быстро, фронт ждал самолёты.

Однажды, когда мы выгнали очередной самолёт на поле, к нему подошли двое лётчиков-подполковников, и, о, ужас, в одном из них я узнал рыжего Володьку, с которым учился в авиашколе в Ленинграде. Я опешил и испугался, ведь может узнать меня, понять, что я заключённый. Как отнесётся, а вдруг отвернётся. Этого не вынести, нет, не смогу подойти, скроюсь, и убежал в другую бригаду. Потом я себя корил за это. Почему не подошёл, коротко бы рассказал бы о себе, ведь он бы понял и, может быть, даже смог бы помочь, я имел в виду материальную помощь деньгами, ведь у меня их не было совсем, даже овощей не пробовал из-за этого, боялся появления цинги. Но стыд моего нынешнего состояния не дал возможности преодолеть себя и подойти к бывшему товарищу.

Так приближался день, когда в лагере всё же получили разрешение привлечь в ряды армии тех, у кого оставалось менее года заключения, и Гавриил Егорович был выпущен на свободу в городе Лысьва. Придя в военкомат с единственным документом из лагеря, и заявив о своих званиях и тех родах войск, в которых довелось прослужить до ареста, получил отказ от призыва в армию, пока не будет получен ответ из Москвы.

Бывший заключённый был военкоматом направлен на хлебозавод начальником охраны с заданием организовать надёжную защиту от расхитителей.

Для этой цели была выдана двустволка и всё время, кроме сна, чтобы выявить, каким же образом с территории хлебозавода пропадала продукция. Воспоминания обо всём этом подтверждаются письмами, которые отправлял в Москву родной сестре, в одном из них даже написано, что расхитители были обнаружены через 9 дней круглосуточной охоты на них...

ГЛАВА 12

МЕНЯ ПРИЗЫВАЮТ

Многомесячное ожидание ответа из Москвы завершилось, наконец-то и я дождался своей очереди, о чём получил повестку из военкомата города Лысьвы. Военком разводит руками и, как-то извиняясь, говорит, что дошла очередь и до вас. Срочно нужны танкисты, но у вас же на сегодня нет звания, поэтому направляетесь на курсы, лишь там смогут присвоить или вернуть звание, а потом уже на фронт. И уже на следующий день вечером дежурный писарь военкомата вручил пакет с документом, в котором предписывалось ехать в город Кипштым Челябинской области на курсы, где можно будет вернуть моё воинское звание.

Со мной вместе получал предписание ещё один гражданин по званию рядовой. Проездные документы нам выдали единые на двоих, так как ехать нужно было почти в одном направлении через город Свердловск. На станции меня тепло проводили директор хлебозавода и представители месткома. В Свердловске мы с попутчиком расстались, и на другой день я прибыл в город Кипштым. Минут через тридцать уже оказался в районе местоположения курсов и не услышал никакого шума танковых гусениц и грохота мощных моторов, а на плацу рассмотрел занимающихся пехотинцев.

«Что за чёрт», — подумал в этот момент, туда ли я прибыл, куда был направлен, но размышлять уже не было времени. Захожу в штаб и предъявляю своё предписание, вручаю пакет и спрашиваю, а где танки. Прибыл ли я туда, куда был направлен? Командир части подтвердил, что прибыл я точно туда, куда был направлен, но

танков у нас нет, да и не полагается их иметь, так как танковые курсы находятся под Свердловском. Удивляюсь и докладываю, что я танкист, что до войны был начальником штаба танковой части и направлен был в армию по своей основной специальности.

В ответ услышал, что командир ничего про это не знает, так как в руках у него предписание прибыть к ним на курсы. Он сообщил, что курсы готовят миномётчиков и пулемётчиков и спросил, а не ехал ли я ещё с кем-нибудь, и узнав об этом заключил, что нам по-видимому перепутали направления, но делать нечего, ибо он не имеет права послать меня обратно и предложил выбирать, кем мне хотелось бы стать.

Вообще-то службу в армии я начинал в пехоте, и даже в молодости командовал пулемётным взводом, так что придётся возвращаться в молодые годы. Но начальник курсов, как узнал про это и о том, что я закончил в своё время курсы пехотные, авиационную школу, да ещё и курсы бронетанковые, и был уволен из армии по болезни на пенсию старшим командиром, воскликнул, что делать мне на их курсах нечего, а надо отправляться прямо на фронт да вот звания воинского по-новому нет...

Словом, я и учился, и помогал учить командирам данных курсов. Через несколько месяцев курсы были закончены, что подтверждалось присвоением звания младшего лейтенанта, мне же начальство походатайствовало о присвоении звания старшего лейтенанта, но в верхах подобное предложение не утвердили и ограничились присвоением звания лейтенанта.

Выпуск весь посадили в эшелон и привезли в Челябинск в офицерский резервный полк. Офицеров здесь оказалось очень много. Время от времени, при появле-

нии новых заявок с фронтов, штаб формировал эшелоны, и отправляли их на пополнение какого-либо фронта. В штабе кто-то проболтался, что, хотя я и в звании лейтенанта, до войны я уже занимал должность начальника штаба, и посему вызвали и приказали получить пособия и новый устав и назначили преподавателем тактики для различных офицерских групп.

Так получилось в очередной раз в моей биографии. Товарищи отдыхают, ничего не делают, а я, как проклятый сижу над уставом, пишу конспект, готовлюсь к очередным занятиям. Как жили мы в офицерском полку, как проводили время, не имеет какого-нибудь значения, и описывать это вряд ли имеет смысл. Можно отметить лишь, что основным было в то трудное время нехватка питания. Пищи было крайне мало, ведь мы пока не в действующей армии, а в тылу, поэтому необходимо было пользоваться рынком, где приходилось докупать еду, так как жалованье мы всё-таки получали. Но на рынке всё было очень дорого.

С утра до обеда загружали полевыми занятиями, охоты к этому ни у кого не было, и все жаждали скорее попасть на фронт. Жили мы в огромных бараках, спали на нарах в два этажа, но были койки, и странное совпадение ---- именно в этих казармах в 1916 году готовился в маршевом полку мой старший брат в Первую мировую войну.

Однажды я получил травму. Всё, что у меня было, как и у всех офицеров, носил на себе в вещевом мешке и полевой сумке. Мешок-то ещё пустовал, так как наполниться он должен был лишь при отправлении на фронт, стало быть, самым необходимым и самым существенным в это время была полевая сумка, с которой мы и не

расставались. В ней было самое минимальное, необходимое и дорогое. К необходимому относилось полотенце, мыло, бритвенный прибор, который прислала мне из Москвы со своего скудного жалования моя сестра. Кроме этого лежали в сумке два-три подворотничка, носовые платки, блокнот, карандаши. К дорогому относились и письма, и фотокарточки моих дорогих жены, сына и сестры; кстати, писем было очень мало, особенно из блокадного Ленинграда, связь с которым была очень затруднена. И эту сумку я всюду таскал с собой на ремне,

Однажды вечером, готовясь ко сну, положил сумку на одеяло и вдруг захотелось пойти посмотреть, какая будет завтра погода, ведь с утра у меня занятия. Поднялся, быстро прошёл на крыльцо, поглядел на небо, чтобы выяснить, какая же завтра будет погода, и буквально через одну-две минуты вернулся в барак, подхожу к постели и чувствую, что кровь от лица куда-то отхлынула, лицо моё стало холодным, да и было от чего, так как самого дорогого на одеяле не оказалось. Спрашиваю соседа слева, справа, на верхних парах, наконец, я кричу на весь барак: «Кто взял мою сумку, какая сволочь?!» Никто не видел, никто не знает.

Товарищи и близкие соседи спрашивают меня и успокаивают, но это не утешает, и вновь кричу на весь барак, что мне не пужна сумка и всё, что там есть, только отдайте фотокарточки и письма, подбросьте мне их ночью, не будьте мерзавцами! Долго не мог уснуть. Как же это может быть, ведь взял же не кто-нибудь с улицы, а свой товарищ, такой же, как и я, ведь завтра нам вместе воевать.

Не верится, но факт налицо, тяжело на душе, как будто давит какой-то камень, и мне никак его не сбросить.

Глубокой ночью незаметно засыпаю. Проснувшись утром, первым делом, ещё не одевшись, ищущу под подушкой, под постелью, ищущу вокруг, что просил вчера хотя бы подбросить мне. Безрезультатно, всё словно кануло в воду.

Но беда-то двойная, так как ведь завтра же на фронт, а у меня нет сумки. Какой же я офицер на фронте без сумки? Куда же класть боевую карту? И на последние деньги за 250 рублей покупаю точно такую же сумку, которая была у меня. Иногда даже казалось, не свою ли сумку я и купил, но как же это определить, новые они все одинаковы.

Вскоре стали готовить списки, собирать очередной большой-большой эшелон на фронт. В день отъезда всем выдали всё, что полагалось из обмундирования, производили построения, проверяли здоровье и всё без моего участия. В списках меня нигде не было. Почему, на каком основании? Иду в штаб и получаю ответ на вопрос: вы оставлены как преподаватель для занятий с прибывающим новым составом. Обращаюсь к начальнику штаба, помощнику командира полка с тем, что ещё не воевал, что здесь не собираюсь оставаться, что уйду на фронт со своими товарищами. И только в последний момент часа за два до отбытия эшелона меня всё же включили в какой-то дополнительный список. Фу! Ну и пришлось повоевать, но со своими начальниками!

В вагоне оживлённо. Все рады, все возбуждены, наконец-то едем на фронт, а я всё ещё не верил, казалось, что командование отменит своё решение, высадит меня, у товарищей было даже такое предложение — спрятать меня под нары, пока эшелон не тронется в путь, Но от этого я отказался, потому что именно в этот дополни-

тельный вагон я был назначен старшим.

Наконец, долгожданная команда: «По вагонам». Свисток паровоза, кто-то догоняет отходящий состав, кого-то втаскивают в вагон. Всё, теперь-то уже не вернут. Станция остаётся позади, и уже не слышно звуков оркестра, эшелон набирал скорость, эшелон уходил на фронт.

ГЛАВА 13 В ПУТИ. И ОПЯТЬ В РЕЗЕРВЕ

Куйбышев — первый город на нашем пути затемнённый. Чувствуется, что здесь могли ожидать воздушного нападения. Ехали мы весело, пели песни, сидели у открытой двери и почти на каждой станции выпрыгивали из вагонов: колхозники торговали съедобными продуктами, но мы мало что могли купить, цены были сверхкоммерческие.

Питались главным образом копчёной колбасой, которой нас снабдили на весь путь. Заведовал колбасными запасами капитан, который сопровождал нас к месту назначения на Первый Украинский фронт. Капитан ехал в отдельном вагоне, где хранились эта колбаса и хлеб, их ежедневно выдавали утром на весь вагон по количеству в нём людей, а вскоре мы заметили, что в этом вагоне уж очень весело ехали. Как потом выяснилось, к сопровождающему капитану примазались ловкачи, и в результате эшелонная колбаса на станциях обменивалась на самогон. Увеселение осуществлялось за счёт нашего желудка.

В пути на одной из станций, если их так можно было называть, так как там не было ни одного здания и их заменяли отдельно стоящие вагоны, оставшиеся пять наших вагонов присоединили к воинскому эшелону, идущему пополнением из Узбекской республики. Наконец, приехали к станции назначения и оказались на станции Харьков, из вагонов выгрузились где-то в одном из пригородов. Через весь город прошли строем к коменданту города, который переправил нас на противоположный пригород, очень красивый, с огромным парком и реч-

кой, на берегу которой располагался пивной завод. Итак, мы опять в резерве, только теперь в прифронтовом. Казарм нет, больших зданий в городе нет, так как фашисты всё, что выше двух этажей взорвали. Чудом уцелели лишь отдельные постройки. Вот нас по этой причине и расселили по 2-3 человека в одноэтажных домиках.

Около месяца пришлось находиться в резерве, и опять кто-то командованию доложил про меня, и пришлось также проводить занятия, выходить в поле, составлять расписание. Везёт мне из-за моего прошлого.

Я и ещё два лейтенанта жили у хороших хозяев. Оба они были пожилыми, муж ранее служил линейным врачом на железной дороге, часто выезжая на различные станции. Старик много рассказывал нам, как жили под фашистским игом, как угоняли в Германию наших людей. Слушать это было очень больно. Мы проживали вместе с хозяевами, так как продукты нам выдавали на руки еженедельно, мы приносили их и отдавали хозяйке, и она нам варила обед, но иногда этим занимались и мы.

Недалеко от дома мост через реку. Когда наши войска подошли к реке, фашисты мост взорвали, а сами закрепились за пивоваренным заводом. Когда наша часть подошла к берегу, фашисты открыли шквальный огонь. Подразделения залегли, неся потери. В этот момент прибежал священник, открыл дверь церкви и предложил командиру части, укрыть бойцов за толстыми стенами. Наш хозяин, рассказывая про это, сказал, что священник был награждён орденом Отечественной войны II степени.

Приближался наш большой праздник — годовщина Октября; 6 ноября построили весь резерв, и повели на

торжественное заседание в полусохранившееся здание районного Дома культуры. Было холодно, так как вместо стёкол окна были забиты фанерой и досками, при этом здание не отапливалось, освещение зала осуществлялось при помощи электродвижка.

Весь наш резерв посадили на верхнем ярусе, а внизу разместились члены ЦК Компартии Украины и Президиума Верховного Совета, а также командование 1-го Украинского фронта. Вот тогда я впервые увидел генерала Ватутина — это был человек-крепыш среднего роста. Через несколько дней нас построили, дали провожатого и направили в город Токмак, где предстояло распределиться по воинским частям. Шли долго, и даже в пути пришлось заночевать, Мне досталась маленькая избушка, в которой жили старенькая бабушка и внучка. Ради экономии тепла жили они обе в кухне; чтобы их не стеснять, я устроился в зале — холодной комнате. Проснулся ночью от холода и, видя, что хозяйева не спят, пошёл к ним согреться. Старушка и внучка давили из семян растительное масло и обещали к утру меня им угостить.

В разговоре выяснилось, что старушка всё время болеет, ей трудно дышать и мучает изжога, а у меня было кое-что из лекарств, и я попытался ей помочь. Наутро встаю и хочу идти завтракать на кухню, но бабушка меня не отпустила, она накрыла стол всем, что у неё было. На мой вопрос, какой же у неё сегодня праздник она ответила, какой там праздник, ведь вылечил ты меня сынок, своими лекарствами, все болезни как рукой сняло.

Что мне было делать, был рад, что удалось помочь, и пришлось сесть за стол, боясь её обидеть.

Через два дня я получил назначение в 221 стрелко-

вую дивизию, куда и прибыл на хутор Шевченковский. Так долго добирался до фронта, и вот он уже совсем рядом, что ждёт там, как сложится судьба, что предстоит увидеть, узнать и пережить.

ГЛАВА 14 НА ПЕРВОМ УКРАИНСКОМ ФРОНТЕ

В это время Первый Украинский фронт проводил операции по освобождению Белой Церкви, Винницы и Каменец-Подольского. Когда я оказался в штабе фронта, ко мне подошёл какой-то боец и спросил: «Вы армянин? Я у дежурного прочёл ваше командировочное удостоверение. Вот хорошо, земляками будем, проситесь в 625-ый полк, там хорошие командиры, да и сам полк неплохой». Но мне и просить не пришлось, да и не всё ли равно, в каком служить полку. Однако вечером меня и ещё одного лейтенанта этот боец провёл через посадки кукурузного поля в полк, расположенный в шести километрах, в деревне Любимовка. После знакомства командир полка предложил мне принять роту, но я отказываюсь, ссылаясь на то, что я ещё не воевал, чем вызвал гнев командира, заявившего, что ротами командуют младшие лейтенанты и старшины, а тут готовый лейтенант. Отвечаю, что если после первого боя останусь жив, тогда роту и приму.

Комполка направил меня к пожилому комбату в 3-й батальон, в 8-ю роту. Лейтенант, который прибыл в полк со мной (он еврей, хорошо знающий немецкий язык) остался переволчком при штабе полка. Командир батальона обрадовался моим назначением к нему и заявил, что вокруг одна зелёная молодёжь, хоть ты один в летах и мне теперь будет на кого довериться в бою. Командиром роты был старший лейтенант, лихой офицер. До этого командовал охранной ротой при штабе армии, но за любовь к «зелёному змию» вместе с младшим лейтенантом Федей, был откомандирован в полк. Федя коман-

довал первым взводом, я вторым, третьим командовал старшина. Роты располагались по избам, ежедневно проводились занятия в поле. Федя любил тоже выпить, но хорошо играл на гитаре и пел, а гитару таскал с собой на занятия. Был большой, пинокослечий. В поле командир роты и Федя оставляли на меня роту — занимайся лейтенант, а мы на минутку уйдём, и до обеда они не появлялись. В это время полк получал пополнение, оружие, обмундирование, говорили, что нас куда-то отправят на эшелонах. Вскоре меня назначили дежурным по батальону. Забот было много, так как предстояло проверить роты, которые были расквартированы на двух длинных улицах, проверить дежурства в ротах, проверить дозорных и, наконец, осмотреть работу пицблочка.

Старшим поваром служил Митька из Таганрога, по профессии он был мотгажником доменных печей, а как он был определён в повара, было неизвестно, тем более, что ростом он был похож на гвардейца и силен, как борец. К ночи удалось добраться во двор, где располагалась походная кухня, и мне сразу не понравилось, что у кухонь никого нет. Огонь пышет, пар валит, вкусно пахнет гречневой кашей, но охраны никакой нет — сыпь в кашу любую отраву и никто про то не узнает. Вхожу в избу. Веселье вовсю, смех сплошной. Сидят десятка полтора бойцов, чистят картошку, тут же с ними и старшина хоззвода и старшина Митька.

А, вот, в центре всей этой весёлой компании на мепке с картошкой восседает румяная девица. На мой вопрос, кто же эта гражданка, Митька задаёт встречный — а вам-то что, лейтенант. Я отвечаю ему, что дежурный, что не понимаю, почему на пицблочке посторонний че-

ловец, Митька гордо заявил, что сия девица рабочая по кухне. Тогда пришлось указать на отсутствие во дворе охраны, а в ответ услышал, что у них всегда так.

Пришлось приказать выставить к кухне охрану, а на счёт развесёлой гражданки даже пришлось доложить утром комбату и комиссару. «Ах, ещё не выгнали эту чертовку», — заявил комбат. — «Так вот давай замюлит это дело и проверни».

Время растянулось и только недели через две полк погрузили в эшелоны, и, конечно, первым дежурным был назначен я. Ехали долго и, в конце концов, оказались перед Днепром. На противоположном высоком берегу высился бывший красавец Киев. Насколько охватывал взгляд, вокруг стояли остатки стен, развалины домов, мост также был взорван, но по временному мосту медленно перебрались на правый берег, окраиной объехали город и высадились в недавно освобождённой Белой Церкви.

Поспешно выгрузились и получили задание развёртывать наступление на запад, освобождая села в направлении Вишницы. При преследовании противника всё время обращали внимание в левую сторону, откуда день и ночь раздавались взрывы, так как именно там развёртывались события вокруг Корсунь-Шевченковского котла, где была окружена значительная немецкая группировка. Помню, как однажды вошли в большое село, кажется по названию Рутченки, и ночью были подняты по тревоге для рытья окопов и противотанковых сооружений в направлении громящего котла. Говорили, что окружённый противник делает попытки вырваться из окружения именно в направлении села Рутченки. На запад полк по этой причине наступать уже не мог и вынужден

был укреплять позиции на южной окраине села. Примерно дня через два фашистов всё же остановили, и мы вновь продолжили наступление на город Винницу.

Первый бой, в котором мне пришлось принять участие, был в районе замка Богдана Хмельницкого. Наступали ночью в темноте, лишь немцы освещали ракетами передний край, простреливая его из дежурных пулемётов, даже применяли тяжёлое орудие, посылая снаряд за снарядом, но снаряды рвались где-то сзади нас, не принося урона, однако звуки разрывов, сплошная темнота и таинственность обстановки очень нервировали. Страшно или нет, что греха таить? Крутовато! Но стараешься в разговоре, в команде и всем своим видом (хорошо, что в темноте) не выдать своего состояния. Стараешься даже обмануть самого себя, но предательская дрожь, какой-то холод между лопатками даёт знать о себе. С рассветом развернулись в цепь, сперва тихо, а затем с криками «ура» ворвались в траншею противника.

Мой взвод выскочил прямо на позицию самоходки, но немецкие солдаты сразу же разбежались, а их офицера — худого, длинноногого, бойцы вытащили за ноги из-под днища самоходки.

Идя в бой — в мой первый бой, я подал заявление о приёме в партию.

После боя командир батальона похвалил меня за действия взвода, а парторг заявил, что я достоин принятия в ряды партии. После этого первого боя командир батальона приказал мне с взводом всегда быть при нём, быть резервом батальона. Некоторое время пришлось занимать позиции в «самом замке» Богдана Хмельницкого, если сегодня так можно назвать двухэтажное круглое

здание с толстыми кирпичными стенами. Помнится, мне захотелось поподробнее ознакомиться с холмом, на котором стоит этот замок, и я, забыв, что в пятистах метрах фрицы, стал открыто бродить и разглядывать объект.

Немцы вначале не стреляли, видимо удивлялись, что это за такой смелый тип в открытую бродит, а потом, очевидно, им надоело моё нахальство, решили привести меня в чувство несколькими залпами миномёта. В результате, дабы иметь возможность победить фрицев и с победой вернуться домой, я был вынужден спрятаться от разрывов этих мин и, не взирая ни на что, нырнуть с головой в кучу навоза, на счастье оказавшимся сухим.

Когда артналёт прекратился, я в момент убрался в «замок», и, конечно, командир батальона выругал меня за беспечность. Постепенно с боями вышли мы к окраине Винницы. Нашему батальону до подхода основных сил было приказано овладеть пригородной железнодорожной станцией, чтобы перерезать путь отхода немцев. Когда батальон находился уже возле станции, повалил густой мокрый снег, и ничего не стало видно вокруг. Батальон остановился, мы слышали паровозные гудки и стук уходящих эшелонов. Комбат выслал вперёд группу разведки, она долго блуждала, а мы терпеливо ждали результата. Наконец группа вернулась и доложила, что к станции подходят новые немецкие эшелоны и даже выгружаются танки.

При подробном докладе командиру выяснилось, что группа всё это узнала ворвавшись в будку железнодорожного обходчика, и тот им всё это и рассказал. Словом, разведчики поверили обходчику, а командир поверил разведчикам, удовлетворился их ответом и ничего не предпринял, решив, что с танками бороться у него

сил нет, и следует подождать подхода основных сил.

Только эпелоны всё шли и шли, только не с войсками и танками, а это немцы вывозили из Винницы наше добро и просто удирали. На рассвете станцию мы захватили, а комбата сняли с должности за нерешительность в действиях и я его больше не видел. Командиром же назначили капитана Григорьева, который показал себя смелым и настойчивым офицером.

Винницу мы не брали, так как преследовали противника на запад в сторону Каменец-Подольска. Полк преследовал противника, когда с боем, а когда и без боя. Вот так однажды шли в колонне, и вдруг справа выскочил немецкий самолёт. Он шёл снижаясь прямо на голову колонны. Но команде «Воздух» изготовились ручные пулемётчики и противотанкисты со своими длинными ружьями. Но всех опередил мой помощник, старший сержант Василий Шкурин, который быстро лёг на спину в канаву и двумя зажигательными пулями поджёг пикирующую машину. Самолёт задымил, перевалил через дорогу и упал в полукилометре, а затем взорвался. Командир полка тут же приказал Шкурина представить к награде.

Почему немец не стрелял, а как бы присматривался? Он, очевидно, принял наше подразделение за своих и снизился для связи или передачи какого-нибудь распоряжения, когда же он разобрался и пытался вновь набрать высоту, был достигнут пулями.

Часа через два Шкурин опять отличился. Слева шёл шлях, но он был пуст, мы же шли просёлочной дорогой. Неожиданно на шоссе появилась легковая машина. Наша ли или врага? Грязища была такая глубокая, что нашим командирам вряд ли удалось разъезжать на машинах,

очевидно, это была машина врага. Шкурин попросил разрешения захватить машину, и комбат разрешил ему взять ещё человек пять солдат. Все они побежали к шоссе, хотя грязь прилипала к ногам и двигаться было очень трудно, тогда Шкурин с колена выстрелил. Сидящие в машине это заметили и резко повысили скорость. Но через мгновение машина попадает в грязь и ни с места. Из машины выскочило три человека и стали толкать её, а шофёр газовал-газовал и всё впустую. Тут уж Шкурин и остальные открыли прицельный огонь и два фрица остались лежать на дороге. Самый длинный офицер и шофёр, выскочивший из машины, бросились бежать. Длинный, как потом выяснилось, был генералом, на бегу он сбросил шинель, а через несколько шагов, потеряв фуражку, скрылся за холмом.

Шкурин добежал до шоссе, проверил машину, взял документы у убитых, подобрал шинель и фуражку генерала, и, чертыхаясь, что не удалось захватить генерала, присоединился к взводу. Преследовать же генерала было опасно, так как вскоре мы напоролись на оборонительные рубежи противника.

Были иногда и курьёзные случаи. Уставшие, к ночи мы подошли к большому селу, которое было разделено на две части небольшой речушкой. Кое-как наспех разместились в домах и повалились спать. Где противник? Далеко ли оторвался отступая? Никто не знал. Спрашивали у крестьян, и они поведали, что фашисты были в селе утром, что могли из съестного захватили и ушли. Кому следовало, не удосужились послать разведку, а ограничились только непосредственной охраной — патрулями на улицах и часовыми у домов. А наутро, когда голова полка стала выходить из села, мы увидели уходя-

щего по другой дороге противника. Стало ясно, что и фрицы и мы ночевали в одном и том же селе, только на разных его окраинах.

Беспечность?! Безобразие!? И то и другое! К концу дня подошли к небольшому посёлку на высоте. По карте за этой высотой дорога соединялась с шоссе. Нам же была поставлена задача с ходу захватить посёлок, роццу за ним и выйти к шоссе возле развилки дорог. Но не тут-то было. Немцы закрепились на высоте и уходить оттуда не собирались. Часа через два высоту удалось захватить, и посёлок также перешёл к нам, а вот роццу взять не смогли — очевидно, шоссе им необходимо было удержать, и развилку нам не удалось отбить. Наступившая темнота застала нас в четырёхстах метрах перед роццей.

Командир полка хотел было атаковать противника ночью, но в это время из роцци послышался шум моторов, лягг гусениц и, конечно, пулёмётные очереди. Командиру показалось, что немцы подтянули танки (раньше их здесь не было) и будут нас здесь атаковать, и приказал рыть траншеи, подтянуть орудия, приготовить противотанковые гранаты и ждать вражеской атаки.

Так до утра и прождали — мы немцев, а они нас. К утру шум моторов поутих, а когда посланная на рассвете разведка подобралась к роцце, там никого не оказалось. Вместо танков в роцце стоял наш старенький трактор «Коммунар», которым фрицы имитировали шум танков и лягг гусениц. Трактор перегоняли с одного места на другое, создавая впечатление, что здесь танков немало. Стыдно было нам, в особенности старшим офицерам. Обманул фриц нас, да ещё как, при помощи нашего же старого трактора, самым нахальным образом.

Но зато в этот день мы так ринулись в преследование,

что вырвались очень далеко вперёд. Наш полк на десятки километров вышел вперёд и практически дошёл до основного шоссе, идущего на Каменец-Подольский, тогда доложили об этом генералу, а он спрашивает, а не можем ли мы сами, без остальных полков захватить шоссе, перерезать путь отхода немецким войскам и захватить то-то и то-то.

Командир полка радирует в ответ, что эта задача нам по силам. Немцев с шоссе мы сбросили, пошли дальше и освободили тот населённый пункт, который было указано перехватить у врага. А по шоссе-то отступала вся немецкая армия, и, видя, что против них всего лишь один полк, продолжала своё продвижение по шоссе, а чтобы с нами покончить, выделили соответствующее количество войск.

Мы же, заняв населённый пункт, на радостях успокоились и остались на позициях, но уже на рассвете немцы репили наш, так называемый ашпендикс уничтожить, и стали окружать полк превосходящими силами. Весь день мы отбивали атаки противника, а что делать, враг с трёх сторон, активен, а сзади шоссе, по которому отходит целая армия. Об остальных полках известий нет и самое главное — боеприпасы почти все закончились.

Полк решил отходить со своих позиций навстречу нашим другим полкам. К нам пришёл старик-партизан, который должен был ночью вывести полк оврагами и болотом к шоссе. До шоссе двигались по-батальонно. Когда наш батальон проходил небольшой лесок, идущее впереди охранение, прошло мимо лесочка и в него не заглянуло, а там оказалась в засаде целая рота фрицев.

Когда наш батальон своей серединой поравнялся с немецкой засадой, та открыла огонь по нашему флангу.

Батальон залёг и стал отстреливаться, но противника мы не видели. Они в лесу, а мы на открытом месте. Появились раненые и убитые, я же со своим взводом оказался к лесу ближе всех. Стреляю и думаю, думаю доли секунды, что если так будем лежать, то нас всех перебьют. И тогда вскакиваю, стреляя на ходу, кричу «ура» и «за мной», с другой стороны вскакивает мой помкомвзвода Шкурин, а за нами поднимается весь взвод, потом присоединяются и остальные роты.

Немцы подобной атаки не ожидали и бросились убежать. Мы потеряли шесть раненых, в том числе ранен был и я разрывной пулей в кисть левой руки.

Половина немцев была уничтожена, остальным удалось бежать. Впоследствии за напуг с помкомвзвода инициативу мы были награждены.

К ночи все наши батальоны соединились вместе и весь полк в общей колонне по-батальонно, кучно вместе с повозками с ранеными и имуществом молча продвигался к шоссе. Не дойдя метров двести, открываем ураганный огонь из всех видов оружия вперёд, влево-вправо и вверх, со страшным шумом, криками «ура» и делаем прорыв.

В это время старик-партизан поднял руку, давая сигнал, что мы пришли к необходимому месту, попрощались с командиром и замполитом, сказав в добрый путь и до скорой встречи, что для военного времени было удивительно. По команде ракетой мы ринулись вперёд, стреляя и крича. Такого шума, такой стрельбы я никогда и нигде не слышал.

Немцев с шоссе как ветром сдуло. Одни бросились назад, другие вперёд, остальные навсегда остались на месте. Образовался широкий проход, и мы в него вош-

ли, вернее, вбежали, а через два километра встретились с другими полками. На следующий день вся дивизия пошла в наступление и так до самого Каменец-Подольска. Взяли его, и на этом наш поход был завершён.

Наша часть была отозвана под город Тернополь.

Не могу не описать подвиг двадцати шести бойцов со своим командиром младшим лейтенантом. К сожалению, фамилии его не помню, так как он был из соседнего полка. Когда мы вошли в город, этим самым перекрыли пути отхода немецким подразделениям. Они искали слабое место для прорыва и его нашли, так как совсем в стороне у пригорода, возле реки, был расположен всего лишь один стрелковый взвод, вот на него-то и навалились отступающие ^с части немцев.

Они геройски выполнили свой долг, удерживая рубеж до последнего патрона, последней гранаты, и когда пришедшие на помощь подразделения вступили в бой с противником, то было уже поздно. Все двадцать шесть солдат геройски пали. Они были торжественно похоронены, в братской могиле.

Когда наша часть прибыла к городу Тернополю, он уже был взят нашими войсками. Мы же должны были заменить части, бравшие город. Проходили через город, оказавшийся совсем небольшим, но главная улица была красивая с высокими домами. Увы, от них остались лишь одни каменные коробки с глазницами пустых окон. Все дома, кроме одноэтажных, были сожжены. Идя по городу, мы смотрели на все разрушения, на всё горе, что оставил фашизм, и у каждого в сердце умножалась ненависть к извергам.

Через несколько часов за Тернополем сменили войсковую часть и стали с боями продвигаться. Заняли дере-

вупку, вышли вброд через очень грязную речку, а на окраине проходило железнодорожное полотно. Когда полотно перепли, полк был обстрелян, пришлось принимать боевой порядок и продолжать наступление. Вдруг из кукурузной посадки появилось шесть танков, а за ними просматривались цепи автоматчиков. Полк залёг, но оказалось, что артиллерия застряла в грязной маленькой речушке у околицы деревни. До танков метров 800-1000, и полк, впервые это случилось, дрогнул. Все вскочили и побежали, команда офицеров не смогла остановить бегущих, понимающих, что только железнодорожная насыпь сможет спасти от танков до подхода артиллерии.

Танки открыли огонь по бегущим. И мои бойцы тоже попытались вскочить, чтобы бежать к насыпи, но я крикнул: «Ложись». Углядел метров в пятнадцать от нас траншею, и решил занять её, ибо бежать да ещё последними было явной гибелью. Рывком взвод вскочил в траншею, она оказалась глубокой, способной спасти от танков. Рядом пробежали шесть бойцов из первого батальона с противотанковым ружьём, и я скоординировал им прыгать в траншею. Они обрадовались, увидев офицера, да ещё с целым взводом солдат.

Когда танки приблизились, приказал броневой бойцам открыть по ним огонь. Одновременно с нами открыла огонь, выскочившая из деревни наша батарея. Не знаю, то ли от моих противотанковых ружей, то ли от орудий батареи, но два танка остались на месте, остальные отстреливаясь, убралась обратно. Немцы-автоматчики залегли, вот тут-то под защитой моего взвода и орудий нашей батареи, полк вновь занял свои позиции, а потом перешёл в наступление. Меня же вместе с взводом ко-

мандир полка вызвал в деревню, при всех похвалил за храбрость и приказал представить к награде (но её я так и не получил никогда). А взвод велел отвести в тыл, сделать нам баню и дал отдохнуть сутки. Отдых на сутки после боя, да ещё баня --- самая ценная награда в боевых условиях, и мы её заслужили.

ГЛАВА 15

БОРЬБА С БАНДЕРОВЦАМИ

Нас перебросили в район Збараж далеко от фронта, но расположились мы в траншеях, землянках, блиндажах. Ночью дивизия была поднята по тревоге. Полк получил задание через Збараж, где располагался штаб фронта, выйти в тыловые районы, расположенные в десяти километрах по шоссе.

Нам сообщили тревожную весть, что генерал Ватутин, проезжая на машине по шоссе в районе большого лесного массива в восьми километрах от Збараж, был обстрелян и ранен двумя пулями и через несколько часов скончался. Оказалось, что в тылу появилась большая банда бандеровцев. У опушки леса роты получили задачу прочесать весь лес с запада и выйти на восточную опушку и всех обнаруженных с оружием или без него взять в плен.

Я к этому моменту был уже не командиром взвода, а начальником штаба батальона. Когда роты вопли в лес, мы с командиром батальона с боевым обозом продвигались по шоссе, которое пересекало лес, и заняли с пулёмётной ротой позиции уже на восточной опушке леса.

Вскоре послышалась автоматная очередь. Из леса стали по одному и группами выходить люди в гражданской одежде, но вооружённые немецкими автоматами и пистолетами. Они выбегали из леса, останавливались на несколько секунд, стреляли в преследующих их из леса наших бойцов и бежали по направлению села, расположенного в двух километрах.

Я был очевидцем, когда на предложение бросить оружие и сдаться бандеровцы остервенело бросались на

наших солдат и офицеров, используя для этого весь арсенал вооружения.

Большая группа, числом около пятидесяти человек, сопротивлялась особенно яростно, и, чтобы сохранить наших солдат и офицеров, с фланга со стороны шоссе был открыт огонь из станковых пулемётов. Только после этого часть бандеровцев сдалась, часть осталась лежать убитым и ранеными, другие успели скрыться в селе. Собрал пленных, оказав помощь раненым, батальон вошёл в село. Проверяли каждый дом, стога сена, расспрашивали крестьян о бандеровцах. При выявлении бандитов было много интересных случаев.

В одной избе лежал больной, и хозяйка дома заявила, что её сын болеет с малых лет ногами. При опросе соседей выяснили, что сын никогда в детстве ничем не болел. Пришедший врач предложил осмотреть больные ноги и оказать помощь, но мать бросилась к кровати со словами, что не даст доктору лечить, так как его лечит старый знахарь. Пришлось заставить больного показать ногу и, конечно, врач обнаружил у больного пулевое ранение, причём свежее... Бандеровец был ранен в бою с нами.

Заходим ещё в одну хату. Старик и старуха, посторонних нет. На вопрос о бандеровцах отвечают, что таковых не знают, а в это время бойцы на чердаке нашли два спрятанных мешка в соломе. В одном из них оказалось около двадцати килограммов шпика, в другом десять буханок хлеба. Спрашиваем, для кого приготовлен столь большой объём продуктов. Отвечают, что в городе сын лежит в больнице, вот и приготовили для передачи продуктов ему. В это было трудно поверить, понимаем, что мешки приготовлены для бандеровцев.

Во дворе огромный стог старой соломы, но как его проверить, внешне со всех сторон попробовали ткнуть штыками, но ничего не обнаружили. Но один из бойцов случайно присел у стога, облокотился на него и провалился куда-то внутрь. Позвали командира и меня, и нам показалось, что имеет место явный лаз под стог соломы. Вытащили пистолеты, и мы вместе с командиром и двумя бойцами на четвереньках попытались пролезть в этот таинственный лаз. У меня и командира были фонарики, ползли долго и, наконец, добрались до круглой площадки-пещеры. В ней одновременно могли лежать или сидеть до десяти-пятнадцати человек, но людей не оказалось.

На гладкой, чисто выметенной земле, валялся открытый чемодан, офицерский ремень и куски оставшейся еды, что подтверждало, что здесь прятались люди и не так давно, и ясно, что хозяину дома это было известно.

Известно, что молодые бойцы всегда при посещении населённых пунктов стремятся заговорить, попутить, познакомиться с девушками. Такие намерения имели во время перекура трое друзей, три бойца, увидев трёх девушек, которые работали на огороде и окучивали картофель. Девушки стояли спиной к улице, и бойцы, подходя к ним переговаривались на предмет, какая из них красивее. Остальные бойцы и сержанты, оставшиеся на улице, глядя им вслед, подпучивали и подначивали. Но что это? Трое солдат вдруг отскакивают от этих девушек и стаскивают с плеч автоматы. Затем все остальные бойцы услышали крики ребят о том, что здесь бабдеровцы. Оказывается, последние применили маленькую хитрость, пытаясь спрятаться в женскую одежду, чтобы избежать ареста. Напялили на себя платья, повязали голо-

вы платками, чтобы спрятать бороды и лица и вышли якобы поработать на огороде, но и этот трюк не удался. Так приоткрылся и ещё один аспект страшной войны народов и идеологий.

ГЛАВА 16 РУССКАЯ ДУША

В бою под Кёнигсбергом я был опять контужен и гораздо сильнее, чем тогда, когда переходили границу. В строю оставаться не мог из-за глухоты и слабости. В госпиталь ехать отказался и дал согласие лечиться в своей санитарной роте, а так как она находилась в ближайших тылах полка, то оставался всегда в курсе всех событий.

В дни затишья, когда активных действий не было, меня навещали мои офицеры и рассказывали о действиях подразделений, о подвигах бойцов и офицеров. Самым тяжёлым были сообщения, когда говорили о гибели офицеров, сержантов и солдат, большинство из которых я знал по фамилии или имени.

Оставаясь один в палатке или в повозке, я часто размышлял о жизни, о тех, про которых мне только что сообщили, о том, что я больше их никогда не увижу. Это я думал о них, ведь совсем чужой человек, только на войне их и узнавший, а ведь у каждого из них были семьи. Если женат, то больше не увидят жена и дети. Если холост, то мать, любящая мать, да ещё, может быть и единственного сына, вскормившая, воспитавшая, вырастившая и... тоже никогда, никогда больше его уже не увидит. Как тяжело, как больно, как ужасна эта несправедливость.

Вот так я мог думать о многих, и странно было, что, думая о других, я никогда не думал о своей смерти, когда был в бою. Иногда, правда, если уж слишком крепко смертушка угрожала, совсем располагалась рядышком, то после, когда всё «проносило мимо», говорил себе или

товарищам: чуть не задела смертушка.

Будучи в тылу, хоть и была у меня голова забинтована, не мог лежать спокойно, ходил по тыловым участкам, интересовался, как вывозились раненые, и как, и вовремя ли посылались боеприпасы и пицца. Естественно, что в тылу было немало ездовых, в основном народ немолодой: сорока-пятидесятилетние, бывали и постарше. Это они, рискуя жизнью, вывозили раненых и подвозили боеприпасы и пиццу. Проводил с ними беседы, помогал им укладывать перевозимое на подводы. Все они были негодны к строевой службе, но каждый был вооружён винтовкой. Они так же, как и солдаты, ведущие непосредственно бои, горели желанием увидеть скорую победу и уничтожение фашизма. У некоторых от рук фашистов погибли родные и близкие, и, конечно, любой из них, встретив в пути врага, не задумываясь вступил бы в бой и уничтожил бы его.

Однажды, когда боевые подразделения, потеснив врага, продвинулись вперёд, то и тылы последовали за ними и, выбрав в лесу соответствующее место, расположились быстро и привычно. Я к этому моменту уже поправлялся, слабость проходила, исчезала и глухота, и часто стал уходить в сторону боя. Возвращаясь с такой «прогулки», вдруг услышал возбуждённые громкие голоса, а когда обошёл кусты, то увидел на полянке двух женщин и двух ребятшек, окружённых всеми нашими работниками тыла. Одна из женщин была очень старая с измождённым и покрытым множеством морщин лицом. Она с трудом опиралась на палку. Другая, молодая, лет 27—30, маленького роста, очень миловидная, с заплаканными глазами. Правой рукой она держала за ручку мальчика лет пяти, а левой прижимала к себе примерно двух-

летнюю девочку, хотя и с грязной мордашкой, давно не мытая, но такая прелестная, какую только и можно увидеть на картинках.

На мой вопрос, в чём дело, что тут происходит, мне сразу в десять голосов ответили, что, вот, фрицев поймали. Голоса бурлили на тему: «Ишь, наплодили каких». — «В расход их, чего смотреть, чего пашкаться». — «Гё фриц, может быть, мать мою и убил». — «Они напих убивают, и старых и малых, а мы всегда цапцаемся, чего время-то тянуть, пальнуть очередь на них на всех и баста».

Войдя в круг голосащих, я крикнул, чтобы замолчали, прекратили галдёж, и произнёс, что убить всегда успеете. Потом подошёл к молодой немке и стал на русском и ужасающем немецком языке расспрашивать. Оказывается, когда здесь начались бои, они испугались и, убежав в глубину леса, спрятались в старой медвежьей берлоге. В ней они просидели четыре дня, всё, что успели прихватить съедобного, давно уже съели, а когда шум боя удалился, стали пробираться к своему дому, но заблудились и были обнаружены нашими солдатами.

Женщины всё время спрашивали: «Нас что убьют? И маленьких тоже?» Я старался их успокоить, пытаясь объяснить, что убивать их никто не собирается, что Красная Армия с детьми и женщинами не воюет. В это время маленькая девочка, увидев, что мать её больше не шпачет, стала просить, конечно, по-немецки: «Мама! Я есть хочу, дай хлеба, ты давно уже свою маленькую ляльку не кормила. Мама! Я пить хочу».

В руках у мальчика и старухи были ржавые банки из-под консервов, и они очевидно из них пили воду.

Я поворачиваюсь к солдатам и спрашиваю: «У кого

есть с собой кусок хлеба?» Один из солдат полез в карман, вытащил кусок хлеба и дал мне, я разломил его на две части и протянул сперва девочке, а затем и мальчику. Глазёнки у них заблестели, но хлеба из моих рук они не взяли. Тогда я протянул хлеб их матери, а она со слезами на глазах, как бы не доверяя чему-то, взяла оба кусочка и, что-то прошептав, дала их детям. Нужно бы видеть и запомнить, как они схватили эти кусочки, как они их ели...

Но мне не пришлось смотреть на это, так как сзади опять послышались реплики и выкрики, требующие «гадов» расстрелять, и что советский офицер неправильно поступает, только время зря тратит и тому подобное. Тогда я поворачиваюсь к солдатам и уже кричу, что они с ума сошли, если собираются расстреливать детишек и женщин, что тем самым они приравняют себя к фашистам. Продолжать крики не пришлось, так как в это время круг солдат раздвинулся и появился подполковник, который являлся комиссаром полка. И он с гневом сказал солдатам, так как всё слышал со стороны: «Вы что блинов объелись или забыли, солдатами какой армии вы являетесь, ишь, какие храбрецы нашлись, чтобы детей расстреливать».

Комиссар приказал мне, чтобы я распорядился и поручил хозяйственникам накормить детей и женщин, сам же пошёл к доктору, сказав, чтобы тот приютил пленников у себя. Сказал всё это, погрозил пальцем солдатам и ушёл.

Что же, думайте, как происходили последующие 5-10 минут? Кто это? Откуда эти солдаты? Разве это те самые солдаты-ездовые, которые хотели расстрелять двух детей, их мать и старую женщину?

Солдат было просто не узнать, каждый, если хоть знал какое-либо немецкое слово, тут же говорили, и обрапались главным образом к молодой женщине. У сидевших на земле женщин возле их ног стала расти куча еды. Сменяя друг друга, солдаты подносили то, что имел каждый у себя в повозке, но именно своё личное. Один солдат кладёт целую буханку, увидев которую девочка захлопала в ладошки, потом посмотрела на мать и что-то спросила. Мать ответила, что этот хлеб не их. Я постарался перевести ответ солдату, а в сию секунду взял буханку и вложил её в ручонки девочки, приговаривая, чтобы она ела, так как теперь это хлеб её. Девочка обняла хлеб, а глазёнки так и бегали, глядя на банки консервов и буханки хлеба. Кто-то из солдат даже принёс пачку халвы.

Я же отошёл, когда увидел приближавшегося доктора. Ещё раз посмотрел на старушку, молодую женщину (дочь этой старушки), на мальчика и девочку и подумал — вот же какой русский человек, какая у него душа. Одним словом, это русский советский солдат. Убедился, что он был не прав, даже своё личное горе забыл в этот момент, не расстрелял ни в чём не повинных детей и женщин, а своим стремлением одарить, чем можно, сделать что-то хорошее, он как бы заглаживал ту ошибку, которую чуть было не совершил.

ГЛАВА 17

Война окончена. Последние залпы — это залпы салюта в честь победы, которые только что отгремели. А дальше что? Домой, конечно, что другое могло быть? Так думал в те дни каждый солдат, сержант, офицер.

Войну мы закончили за Кёнигсбергом, у берегов Балтийского моря. Восточную Пруссию я прошёл с боями с востока на запад, бои были жаркие и почти каждый день.

Восточная Пруссия — старый оплот немецкой военщины ещё с давних пор, а во время фашизма она была вотчиной Геринга, правой руки Гитлера.

Защищали фашисты Восточную Пруссию отчаянно, да и укреплена была очень сильно и старинными вековыми укреплениями, и новыми, современными.

Вся Восточная Пруссия заселена была помещиками с богатыми усадьбами, крепкими кулацкими хозяйствами. Вот и защищали остервенело, опираясь на сильный город-крепость Кёнигсберг, но, как ни защищались, как не хотели отдавать свои земли, а перед нашими войсками не устояли, и все эти укрепления не помогли. Разбиты они были наголову, и, кто не мог себе позволить сдать, уходили в море. Поэтому вскоре пришёл приказ передислоцироваться на восток, поближе к своей старой границе, и там ждать дальнейших указаний.

Марш через всю Восточную Пруссию, правда теперь уже без войны и не на запад, теперь уже на восток, а это значит домой, что радовало всех и, марш был не труден, хотя и предстояло пройти около двухсот километров. Шли мы днём, останавливаясь на два часа на большой привал с обедом и отдыхом, потом следовали далее до вечера и располагались на ночлег.

Время было весеннее, тёплое. Май весенний — это, кроме победной радости, вообще месяц радости и счастья. На отдых и ночлег выбирали опушки леса, рощи, хуторки и усадьбы, Вот однажды, не то на пятый, не то на шестой день, остановились у одного хутора, где были колодцы, а рядом, метрах в пятидесяти, находилась маленькая роща.

Подразделения получили свои площадки и стали располагаться на ужин и ночёвку. У хутора, поближе к роще я расположил кухни и хозяйственное подразделение, им же нужны и вода, и дрова, и крыша. Командиром-хозяйственником был старшина Иван Котов, замещавший эту должность вместо погибшего офицера. Он был хорошим, заботливым командиром и его всегда можно было видеть занятым каким-либо делом. Просто сидеть или стоять без дела он не мог, даже если шёл, то давал указания, распоряжения или учил своих подчинённых.

И на этот раз, расположив повозки, кухни, дал указания поварам, а сам, чтобы поскорее приготовить ужин, решил поискать сухих дров и с этой целью направился к опушке роши. Все это видели, и ничего в этом не было, зная его хозяйственную беспокойную натуру.

Проверив, как расположились подразделения, и, дав указания офицерам на завтра, я зашёл на кухню проверить, как дела с ужином. Узнав, что всё идёт нормально, направился в штаб доложить обо всём командиру. Штаб мы расположили в этом хуторке, состоявшем из одного домика (без хозяев, так как немцы при отходе всех выселили на запад) и большого сарая, где и собирался заниматься наградными делами за взятие Кёнигсберга. В этот момент во дворе появилась солдатская толпа, обступившая двух немцев. Было странным, откуда они взялись,

один из них был толстый коротышка, другой --- высокий, стройный, и одет в летний синий комбинезон не то лётчика, не то танкиста.

Вся эта группа направлялась в штаб, предводительствуемая старшиной Котовым. Я вышел на крыльцо и Котов доложил, что в глубоком тылу захватил двух фрицев. Я не успел задать ему ни одного вопроса, так как в это время вышел командир и старшина доложил о событии и ему. Майор приказал старшине рассказать всё по порядку и поподробнее, и все мы услышали следующее.

Желая обеспечить кухню сухими дровами, он направился в рощу, думая, что может быть там остались старые блиндажи или землянки после боёв, чтобы использовать их на растопку печей. В роще сразу же увидел высокую землянку с окном и дверью. Обрадовавшись, подошёл к двери и, прежде чем войти, достал по привычке пистолет из кобуры, но потом ещё и обругал себя за излишнюю трусость, войны ведь уже нет, и фронт здесь проходил более месяца в прошлом, и кругом стоят наши войска. С этими мыслями толкнул дверь и заглянул внутрь и вдруг услышал: «Хенде Хох» (руки вверх) на чистом немецком языке. Его не так окрик удивил, как направленный на него ствол пистолета. В землянке был полумрак. Молнией мелькнула мысль ударить по руке и выбить пистолет, но в последний миг увидел стоявшего с другой стороны ещё одного человека.

Да, подумал Котов, обстановочка сложная, и одному не справиться. Руки медленно поднялись вверх, и в тот же миг рука немца выхватила из кобуры Котова его пистолет. Когда глаза, привыкли к полумраку, он увидел обоих немцев. Один из них, тот, что был с пистолетом, был высок и одет в комбинезон на молниях. Другой — в

зелёной шинели, был толст и малого роста, оружия у него не было, во всяком случае, его не было видно. Высокий немец рукой указал Котову сесть в глубине на нары, а сам сел у входа, держа пистолет наготове. Потом что-то сказал толстому, и тот, ужасно коверкая русские слова и добавляя немецкие, с улыбкой обратился к Котову, поясняя, чтобы он сидел тихо, не шумел, что они здесь прячутся уже очень давно, что они хотят кушать, что фронт отошёл на запад, куда он махнул рукой, и что они остались здесь случайно.

Далее попли слова, что сам немец «комрад», что он социал-демократичен, что это «манн» (указал на высокого — плёх «манш»), что с ним встретился случайно и им надо чуть хлеба, чтобы дойти в сторону фронта «нах гауз». Старшина выслушав всё это и поняв, не стал отвечать сразу, а задумался, как же вырваться из этого неожиданного плена, ведь это самый настоящий плен и с угрозой для жизни, и случился-то он когда. Война закончилась — стыд, срам какой. Но об этом потом, сейчас важнее вырваться, а как?

Высокий опять что-то стал говорить толстому, не повышая голоса, но сердито. Толстый отвечал, всё время прижимая руки к груди, по-видимому, о чём-то утрапивая, указывая рукой на старшину, а сам всё время повторяя «нихт», «нихт», после чего опять обратился к Котову: «Он, это плёхой «манн» хочет вас «пугф-пугф». Он боится, что если оставить живой, прибегают солдат и он и я будем убит, да? Но он не убить вас, если принесёте хлеб и консерв. Только одно условие, ви честно никому не скажите и ми будем много-много кушать».

Выслушав этот монолог, старшина не сразу согласился, как бы немцы не почувствовали, что он очень рад,

что ему это только и нужно, чтобы вырваться. Немцы, очевидно, были очень голодны, иначе такого глупого предложения советскому воину никогда не сделали бы.

Котов помедлил и как бы нехотя сказал, что согласен принести две буханки хлеба и две банки консервов, только попросил отдать пистолет, в противном случае лучше убейте. Толстый перевёл всё это высокому, но тот отрицательно покачал головой и что-то сказал. Толстый перевёл, что ему не верят, что кушать будет нег-нет, их пуф-пуф. Тогда старшина сказал, что если они ему так не верят, то скажет: «Ей богу, я вас хорошо накормлю. Не верите, даже перекрестусь».

И медленно, и не умеючи перекрестился. Немцы опять попенгались, но теперь активничал уже толстый и даже повышал голос, повторяя одно слово «гот», «гот». И наконец, по-видимому, уговорил высокого, тот кивнул головой, а толстый обратился к старшине, чтобы тот «пшел, пшел». Только теперь заупрямился старшина, что без пистолета никуда не пойдёт, какой же я командир, если без пистолета. Подчинённые увидят и заподозрят.

Толстый вновь перевёл всё высокому, тот подумал, потом вытащил пистолет старшины, вынул из него все патроны и велел толстому достать оставшиеся патроны из кобуры старшины и положил их себе в карман, после чего бросил пистолет на пары. Котов не спеша взял пистолет, положил его в кобуру. Напоследок ему пригрозили, что, если он «враль», его ждёт пуля.

Котов медленно вышел из землянки, посмотрел на часы и пошёл к своим кухням. Хорошо сказать --- пошёл, ему не терпелось сорваться, побежать, ему хотелось кричать, что здесь фрицы. Но выдержал, не стал

рисковать, ведь отопёл ещё совсем недалеко, а высокий наверняка держит его под прицелом. Котов всё это сознавал, но как справиться с нервами, с ногами, они как будто не его ноги, а чужие. Он им приказывает, чтобы не спешили, двигались типе, спокойней, ведь ещё совсем мало отопёл от блиндажа. Вон, хотя бы дойти без выстрела в спину до того зелёного дерева, а там уж бегите, разрешаю.

Идёт, как больной, спотыкается, весь потный, и хочется сорваться в бег и кричать... Но вот и эти желанные зелёные деревья и можно бежать и кричать! Однако старшина уже успокоился, дошёл спокойно до кухонь, где Митька-повар черпаком мешал кашу. Он посмотрел на Котова и спрашивает: «Шо с вами старшина, ни заболели ли?» Котов пёпотом отвечает, чтобы не шумел, а тихо прошёл к автоматчикам и привёл их сюда, так как в землянке недалеко в роще сидят фрицы.

Далее всё произошло быстро. Землянку окружили и их же словами «Хенде хох» потребовали выхода фрицев. Им ничего не оставалось, как выйти. С поднятыми руками первым вышел толстяк, всё время повторяя «их социал-демократишен». Потом вышел и высокий. Взгляд суровый, брови насушлены. Обыскали обоих, отобрали нож-финку у толстяка, а у высокого пистолет «вальтер». На старшину они не глядели, как будто того и нет, хотя всей операцией захвата руководил именно он, старшина.

На этом старшина и закончил свой рассказ. Позже в птабе толстяк сказал, что высокий — заядлый фашист, что встретился с ним случайно ночью, что, хотя он и сдал пистолет, у него имеется ещё один, который при осмотре не обнаружили, а он где-то на теле привязан

пшагатом. Он пытался сказать про себя, что старый социал-демократ, которого только Гитлер заставил воевать, что у него шесть детей, жена, мать, что он комму-вождёр.

Затем привёл на допрос высокого, но он отказался отвечать на вопросы, тогда его насильно обыскали и обнаружили привязанный к ноге пистолет. Когда же немцев увели, старшина Котов обратился с вопросом ко мне, как ему теперь отвечать на вопрос, бывал ли он у врага в плену. Мы с майором вначале даже не поняли вопроса, а затем оба расхохотались и сказали ему, что ни в каком плену он не был, а что он пробыл тридцать минут в землянке под прицелом пистолета, так это, давай будем считать, что он с фрицами играл в копки-мышки. Не зря же и фамилия у тебя Котов, завершил беседу майор. Только смотри, чтобы комиссар полка не узнал, что ты фрицам божился и даже крестился, достанется тебе так, что долго помнить будешь.

Старшина смутился, а потом сказал: «Я же, товарищ майор, добивался победы, а для победы — всё годится». Позже друзья-товарищи старшины часто шутили: «Ну, как старшина у немцев пицца-еда вкусная? А как насчёт сухих дров?!»

ГЛАВА 18

БОЕВЫЕ ПОДРУГИ

В батальон я прибыл из резервного офицерского полка и под Тернополем принял штаб батальона. Отступавший противник оборонялся с большим упорством, в особенности там, где проходили нужные ему для отхода железные и шоссе-ные дороги. Вот за один такой перекрёсток дорог юго-западнее Тернополя фашистская армия ожесточённо оборонялась, имея задачей, во что бы то ни стало, хоть на сутки-двое, удержать свои позиции. Наступавшие роты батальона под сильным огнём противника не смогли продвинуться к высоткам, находящимся перед шоссе, и залегли в низине на вспаханном поле. Положение рот было очень невыгодное, и командиры доносили о значительных потерях. Затребованная артиллерия и самоходки немного облегчили положение батальона, но поднятые в атаку роты были вынуждены вновь залечь, а командование отдало приказ временно окопаться.

Командир батальона приказал мне пройти по ротам для выяснения положения и уточнения обстановки. Прихватив с собой связного, я стал выбираться из хуторка, где размещался штаб. Это было примерно в 200-250 метрах от позиций залёгших рот, и эти метры нам пришлось преодолевать примерно целых полчаса, так как место было практически совершенно открытое и большую часть пришлось пройти ползком, при этом частые обстрелы противника, из миномётов заставляли на время прижиматься к земле.

Наконец, вот и плетень огорода, а за ним бугорок с сараем, к которому мы и держали путь. Перебегая вдоль

плетня, услышал, что меня зовут к сараю по просьбе санинструктора. Подбегаю к сараю и вижу лежащих раненых солдат и среди них санинструктора седьмой роты Марусю. Я сразу же обратил внимание на то, как она лежит рядом с бойцом и перевязывает его. Оказывается, она сама ранена, и, услышав, что зовут меня, приподняла голову и произнесла: «Товарищ начальник, я умираю, передайте привет товарищам, вещи мои передайте Наташе (её подруга, санинструктор восьмой роты) и напишите подробно маме в Рязань, как я воевала...»

Я попытался подойти к ней, спросить, куда она ранена, что так сразу и умирать собралась, как меня остановили бойцы, крикнув, чтобы не подходил, ибо она может пристрелить, что уже несколько раз пытались к ней подползти, но она угрожает пристрелить каждого, кто дотронется до неё. Тут только я и заметил в правой окровавленной руке пистолет, под ней лужу крови.

Обращаюсь к ней: «Маруся, что тут творится, куда ранена, почему не даёшь себя перевязать». Она же, в ответ шепчет, чтобы не подходил и лежал на месте, что она ранена так, когда не выживают, а если и выживет, то жить ей нет смысла. Бойцы шепчут мне, что рана ниже живота, что она стесняется и никого не подпускает перевязать, а сама не может, да и у нас на глазах, так как мы лежим рядом. Я не сдерживаюсь и кричу: «Маруся, ты с ума сошла, ведь истечёшь кровью, где твоя сумка, чтобы я тебя перевязал».

Хотел подползти к ней, так как пули прошивали сарай насквозь. В ответ только крик, чтобы ни с места, иначе она откроет огонь. Я пытаюсь сказать ей, что по возрасту ей отец, она же вместо ответа приподняла в дрожащей руке пистолет. Я чертыхнулся и сказал, что

сейчас быстро попытаюсь добраться до восьмой роты и приплю Наташу. Сбегаю с бугорка, и тут же вслед мне закричали: «Товарищ начальник вернитесь, Маруся застрелилась».

В шуме боя, разрывов мин и снарядов я не расслышал pistolетного выстрела. Перебежками или ползком продвигалась к раненым. Если же видела, что кто-то из молодых как-то нерешительно, оглядываясь назад, бежит или лежит в канавах во время перебежек дольше, чем это положено, она выхватывала pistolет и, потрясая им, грозила пристрелить.

Роста Маруся была среднего, худенькая, красотой не отличалась — курносенькая с серыми глазами, светлыми коротко остриженными волосами, а лицо всё было отштамповано веснушками. Вот такая она была папа Маруся, а застрелилась она напрасно. Вечером, когда был вызван врач, выяснилось, что рана была не смертельной, была перебита артерия в паху и нужна была мгновенная помощь, а девочка не разобралась, и в массе крови ей почудилось, что погибла она как женщина. Она не была готова, чтобы женщине оказывали помощь мужчины, между тем, сама она оказывала помощь солдатам при любых ранениях.

Итак, были у нас две подружки — Маруся и Надя, санинструктор из восьмой роты, а теперь осталась только одна, но уже тогда, когда полз к восьмой роте, я опибался. Оказалось, что и Нади тоже уже нет, только она не умерла, хотя была дважды тяжело ранена в ногу и правый бок.

Когда я прибыл, вернее, приполз, обратно на хутор, то Надя лежала в избе на полу у печки и была без сознания, но тщательно перевязанная санитарями, но ей не

повезло и здесь. Фашисты намеревались с наступлением темноты отступить дальше, оторваться от нас и для этой цели решили выпустить весь запас мин по нашим позициям, и в течение 20-25 минут засыпали наши позиции минами. Когда обстрел закончился, то выяснилось, что осколком, который пробил крышу и потолок, Надя была ранена в третий раз, только теперь в плечо.

Ночью израненную девочку увезли в тыл и больше в батальоне мы о ней ничего не знали, и никто никогда её не видел. А была она очень милая и красивая девупка, небольшого роста, тоже двадцати лет, не худенькая, блондинка с вьющимися волосами и нестриженная. Глаза же светились васильковым цветом, лицо светилось ласковой улыбкой. Солдаты говорили, что только от одной Надиной улыбки рана начинает сразу же заживать, как только она её перевяжет.

Итак, были у нас в батальоне две славные девупки, и не стало их сразу в одном бою. После Тернополя наше соединение было переброшено сначала на Ленинградский фронт, где пришлось участвовать во взятии города Выборга, потом на 3-й Белорусский фронт, а далее, ещё воевать в Восточной Пруссии. Но на этом война для нас не закончилась, так как подразделение было переброшено на Дальний Восток, где вело бои на территории Китая. Вот уж где-где, а воевать здесь никто из нас и не помышлял.

Пересекая нашу огромную Родину на восток под гулкий перестук железнодорожных колёс, чтобы скоротать время в пути, время проводили в памятных беседах и пении песен. И о чём только не говорили...

Не забыли мы и наших девушек-сестричек — смелую и сильную Марусю и нежную Надю. Закончив войну на

Востоке, заставив капитулировать Японию, освободив Китай, мы с победой вернулись на свою территорию. В городе Чита пришлось прожить два месяца, пока оформлялось в штабе фронта наше увольнение в запас. Офицеров батальона разместили по два-три человека по частным домам. Меня и ещё двоих моих товарищей разместили в комнате на Железнодорожной улице. Чтобы было не скучно, мы ходили в кино, гуляли на вокзале и по городу, по вечерам слушали рассказы хозяина, который восьми лет вместе с отцом был выслан царским правительством в Читинскую губернию после событий 1905 года.

Однажды, сидя в кино и от нечего делать, разглядывая публику, перед самым отключением света, в сумраке зала я увидел, как из-за портьеры кто-то выталкивал в зал сначала одну табуретку, а затем и другую. Оказалось, что с помощью этих табуреток передвигалась молодая женщина в пальто и шерстяном платке. Стало ясно, что эта женщина не имеет ног и может передвигаться пока только при помощи подобных средств. Лицо женщины разглядеть не успел, и только сердце сжалось от боли за её судьбу.

Заканчивался 1945 год. Последние дни декабря горожане готовились впервые за пять лет встречать Новый год без войны, мирный Новый год. Мы, офицеры, решили, что если билеты на поезда нами не будут получены, то и нам придётся вместе с горожанами встречать первый мирный Новый год. В нашем батальоне начальником связи был молодой ещё офицер, лейтенант Петров, а мы его называли «Петро». Петро был весельчак, душа нараспашку, а родом был откуда-то с Днепронетровщины. Вот он, помогая в организации встречи Нового года,

запёл в один из магазинов за вином (вино, между прочим, без пустой посуды тогда не отпускали) и, чтобы его купить, постучал в одну из соседних квартир с этим магазином (кстати, здесь же рядом было и кино), попросить пустую посуду. Когда он вошёл после разрешения в квартиру, послышался голос, произнёсший его имя Василий! Ты ли это, откуда ты здесь взялся в Чите.

Петро, удивлённый тем, что кто-то здесь знает его по имени, да ещё женщина, очень был удивлён. С мороза сразу он не разглядел женщину, а когда присмотрелся, то увидел сидевшую за столом, снял шапку и удивлённый спросил, кто это и откуда знает его имя здесь на краю света. Женщина приподнялась, но не встала на ноги и сказала, что разве он её не узнаёт, ведь это она санструктор Надя. Петро охнул, подбежал к ней радостный и остановился внезапно, как будто наткнулся на стенку.

Перед ним на табурете сидела всё такая же красивая Надя, но ниже верха табуретки Нади не существовало, обе ноги отсутствовали. Придя в себя, Петро спросил, что же случилось, ведь тебя из-под Тернополя увозили с целыми ногами. Вот тогда Надя всё и рассказала Петру.

После отправки в тыл её вывезли в Киев, и через два месяца она была уже здорова, и, когда комиссия вновь направляла на фронт, Надя приложила много усилий, чтобы вновь попасть в свой полк, но из этого ничего не получилось, так как нас уже на Первом Украинском фронте не было. Пришлось ей идти в другую часть, а во время наступления уже на территории Румынии попала под обстрел, в результате которого она и осталась без ног. Опять попала в Киев, по выздоровлении демобилизовали, а так как родственников у неё, кроме тётушки, проживающей в Чите, не было, её и привезли к ней, за-

ранее спросив тётушку, которая с радостью её и приютила.

Всё это мне рассказал Петро, и радостно было услышать, что Надя наша всё же осталась жива, но как только представил себе красивую, молодую девушку без ног, горько стало на душе, тяжело на сердце. За что молодая красивая девушка должна страдать из-за оголтелых фашистов, причинивших столько горя миллионам людей. Одни сами пострадали, другие потеряли всех своих близких... Одно только людское горе...

И невольно задаёшь себе вопрос: ну неужели эта война ещё не последняя? Неужели ужасы её придётся испытывать нашим детям и внукам? Где-то внутри, в душе, я составил ответ, что война не должно быть, не должно происходить самоуничтожения людей в неизмеримо больших войнах.

Петро передал ей, что все офицеры нашего полка сейчас в Чите и собираются ехать по домам. Надя просила, чтобы, кто её помнит, пришли к ней, а так как из старших офицеров батальона был я один, и новых она не знала, обрадовалась, что я жив, цел, старый её начальник штаба батальона, и просила Петра без меня не приходить. Я предложил Петру обойти всех наших офицеров, кто знал Надю, и попытаться ей помочь, чем можем. За вечер собрали около пяти тысяч рублей, много банок консервов, хлеба и десять человек на следующий день пошли её навестить...

Но не пошёл я, не мог её видеть такой, какой она стала сейчас. Я ещё раз представил её такой, какой она стала сейчас, как описал её Петро. Знаю, что не удержался бы и зарыдал, зная её другой. Мне казалось не нужным ещё раз терзать душу обиженной судьбой девушки...

Позже Петро передал, что Надя была очень рада приходу офицеров, а на припрёсённые ей подарки расслакалась. Очень была огорчена, что старый офицер /это я/, которого она уважала как отца, не пришёл её навестить ... и, оказывается, я же её и видел, тогда в кино девушка без пог на табуретках была она, наша Надя.

На этом кончаются записки моего отца, которому я посвятил такие стихи.

Валентин Танкаян

Магия жизни

Отцу сегодня было бы сто лет.
Прошло сто лет. Отец, как ты родился —
святой портрет в ужасный проплытый век,
не знаю, скольким дух твой пригодился,
но для меня он чист, как ранний первый снег.
Он просветил и наградил, как чудом,
быть честным до конца, каким бы он ни стал,
ты показал другим — тиранам и иудам,
и с правдой на глаза пред ними встал...
И от меня ушёл в далёкий мрачный Ад,
который превратил тогда страну в Гулаг,
но случай спас отца, и я безмерно рад —
увидеть чистый взгляд превыше всяких благ.
Как смог перенести коварнейший ожог и
сохранить прозрачность чистоты,
когда вокруг унылый жизни смог

и невозможность достигать мечты.
Наградой, как венец, спустилась с высоты
терзавших долгих, мрачных, трудных лет,
а уходя, ты смог оставить след своей мечты,
рукой исполненной про красоту макет.
Макеты эти наполняют старый дом
плечом к плечу, составив стройный ряд,
привет из прошлого, и ласковый притом,
прекрасному в глазах людей обряд.

Санкт-Петербург, 2004

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Я сын Гавриила Георгиевича Танкаяна Валентин Гаврилович Танкаян — свидетель и участник представленного материала, и не могу чуть-чуть не приоткрыть смысл прожитого моим отцом в описываемые времена.

С глубоким внутренним и внешним уважением относился к своему отцу за доброту, чистоту помыслов в душе и быту, чему поразительным свидетельством и являются представленные страницы воспоминаний, раскрывающие внутренний мир ушедшего человека.

Отец, опасаясь несправедливого повторения судьбы своей семьи, тайно от нас с мамой записывал свои горькие воспоминания по ночам и прятал их в единственном в доме запираемом на ключ ящике стола, чтобы мы не смогли прочесть горький текст и, по-видимому, опасаясь, что через нас случайно он дойдёт, через других людей в органы преследования граждан страны.

Ныне, оценивая прочитанное, не могу не сказать, что мой отец был стойким человеком, если смог сохранить свои душевные добрые качества, пройдя чудовищный мир лагерной жизни и сохранив себя как личность, пусть иногда и заблуждающуюся под давлением репрессивного строя страны. Он сохранил в себе тягу к прекрасному, и в возрасте 65-67 лет смог при предложении сына (архитектора) попытаться использовать свои природные данные художника (кстати, вся мебель в наших комнатах до ареста была создана из примитивных материалов его руками), и попытаться что-либо делать в области фиксации красоты создаваемой человечеством.

И произошёл удивительный всплеск, когда работающий человек стал проводить все вечера и большую часть ночи над изготовлением моделей архитектурных памят-

ников страны, а материалом для их изготовления были избраны обычные спички. Примерно за восемь лет, продолжая работать вечерами и почтами, ему удалось построить из спичек 16 моделей деревянного зодчества страны, которые последовательно выставлялись в кинотеатрах и клубах города, публиковались в печати, а далее исходный материал стал основой изготовления исторических памятников нашего города, и даже знаменитый фронтон горного института был преподнесён к его юбилею от инженерно-экономического института, где отец продолжал работать до конца жизни.

И, когда отец в возрасте 73 лет уходил из жизни от рака, захотелось, чтобы он попрощался с нею, увидев весь свой макетный шедевр на экране телевизора. Удивив редакцию культуры показом ей всех фотографий выполненных макетов архитектурного творчества страны, получил задание составить сценарий её показа, и студия произвела съёмку всех моделей.

К сожалению, отцу не удалось дожить до выхода фильма на экран телевизора, где он был продемонстрирован через два месяца после его смерти. Между прочим, и у семьи нет даже съёмки этой телепрограммы.

Здесь представлен перечень всех моделей, фотографии с которых и были представлены телевидению. Пусть и этот проход по земле талантливого человека окажется памятью к прожитой им жизни. Сейчас в нашей квартире со всех книжных шкафов внимательно следят за жизнью все 16 моделей отца и видят, как тексты его тетрадей переходят при помощи пишущей машинки на страницы белых листов бумаги и, быть может, они смогут передать людям ещё несколько горьких и светлых штрихов жизни нашей страны в двадцатом веке.

Памяти прожитой жизни

Я жить устал — судьба не однозначна,
сложилась в времени печальном и крутом,
которая всегда почти что выражалась непрозрачно,
и даже вслух ничьим не отмечалась ртом.

Боязнь непризнанным случиться человеком
разбрасывало в одиночество людей,
страна считается истёртой прошлым веком,
всех отравляла хуже ядовитый змей.

В нём никогда не признавалось одаренье,
талантам очень часто был отказ,
свобода мыслям вызывала лишь презренье,
и запрещенье их представить напоказ.

Так отстранялась радость проживанья,
то покорял жестокий злобный труд,
а несогласие рождало даже наказанье,
которым награждал диктатор или суд.

А приоткроешь взгляд познать родных успехи,
но рассмотреть их в прошлом не дано,
они слагались словно в тайны-вехи,
в глубокое опущенное дно.

Миллионы граждан за колючею репцёткой
в десятки лет сложили жизнь свою,
она была жестокой и короткой,
и выпала вдруг на мою семью.

И осуждён был подполковник, мой отец,
как «враг народа» оказавшись за решёткой,
на фронт в штрафбат отправлен наконец
солдатом рядовым, что выражалось чётко.

Прошёл войну пятью тяжёлыми фронтами,
страну, как будто все, он тоже защитил,
и возвратился в мир, где вождь тиранил нами,
но весь народ за то его совсем уж не простил.

А в старости терзанье прошлых лет
отец сложил в таинственных тетрадах,
лишь после смерти нам открылся грустный след,
его издать нам нужно «ПРАВДЫ» ради.

Я этому отдал и взрыв души своей,
хотелось обозначить ход истории суровой,
ведь «ПРАВДА» у истории всего всегда святей,
пусть поочистит путь для жизни новой.

Но веры нет, страна вступила в «ШОУ»,
правители довольны этим беспределом,
стараются превозносить как славную обнову,
боятся, что народ вдруг станет крайне смелым...

30.11.2013

Валентин Танкаян

Список представленных макетов

Фото 1. Преображенская церковь в Кижях, 1714 год. Бытует легенда, что сохранилась следующая мысль строителя храма: «Срубив свою многоверхую церковь Преображения и, закончив труд свой, плотник бросил топор далеко в Онежское озеро, произнеся: «Церковь эту построил мастер Нестор... Не было, нет и не будет такой...».

Фото 2. Дом из деревни Ошевнево, перевезённый в Кижский заповедник.

Фото 3. Часовня Умиления Богородицы в деревне Корба, Заонежье.

Фото 4. Мельница в селе Кимжа на реке Мезень.

Фото 5. Предтеченская церковь на бывшем Широковском погосте на озере Велуг Тверской области.

Фото 6. Ограда Летнего Сада со стороны Невы. Архитекторы-исполнители Ю.М. Фельтен и П.Е. Егоров. 1773-1784.

Фото 7. Ограда сквера перед западным портиком Казанского собора. Автор архитектор А.Н. Воронихин. 1811-1812.

Фото 8. Банковский мост на канале Грибоедова. Авторы инженер Г. Треттер, скульптор П.П. Соколов. 1825—1826.

Фото 9. Чугунный мост в парке Павловского дворца. Автор архитектор А.Н. Воронихин. 1807.

Фото 10. Порттик горного института. Автор архитектор А.Н. Воронихин. 1806—1811.

Фото 11. Московские триумфальные ворота. Автор архитектор В.П. Стасов. 1834—1838.

Фото 12. Павильон «Храм дружбы» в Павловском парке. Автор архитектор Ч. Камерон. 1780.

Фото 13. Александровский столп на Дворцовой площади. Автор архитектор О. Монферран. 1830—1834.

Фото 14. Деревянная башня на Кавказе.

Фото 15. Фрагмент деревянного дома.

Фото 1

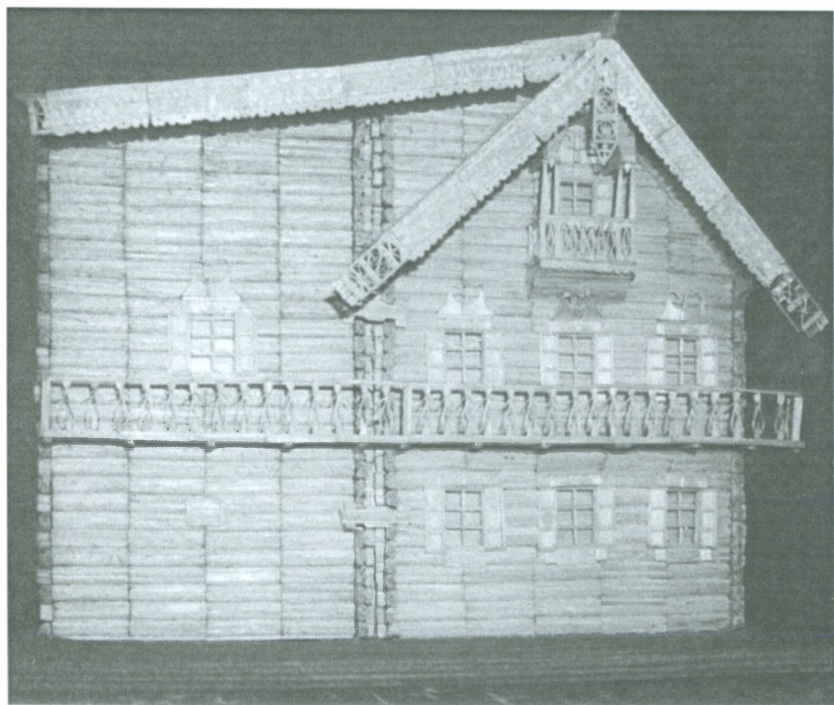

Фото 2

Фото 3

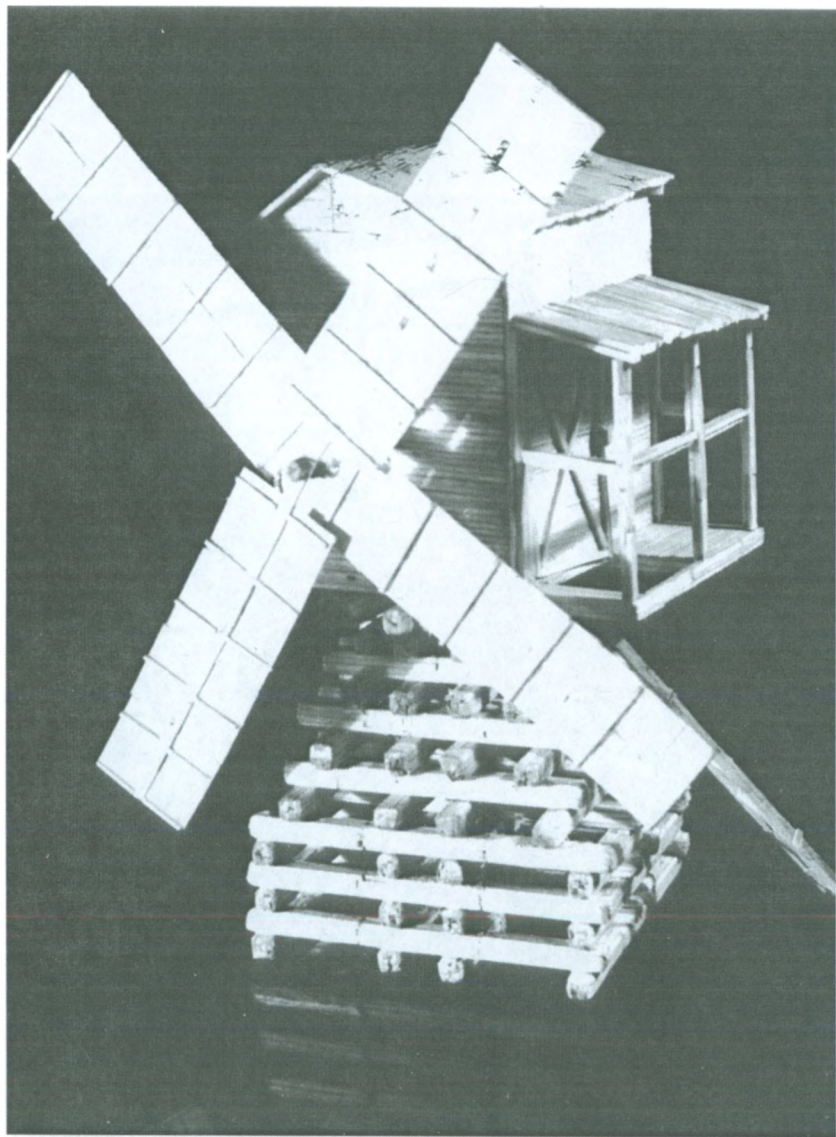

Фото 4

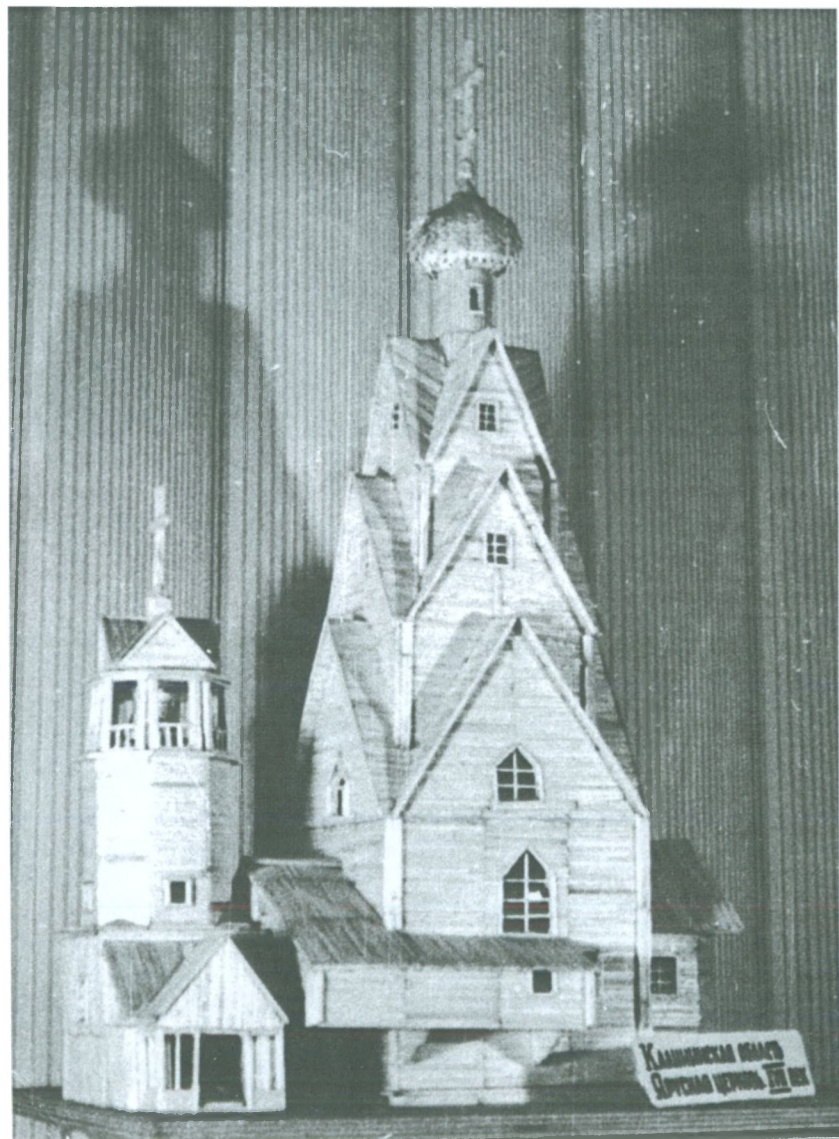

Фото 5

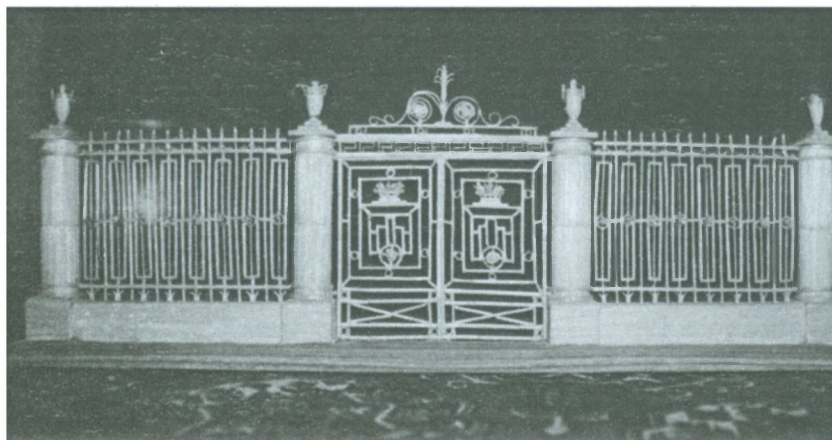
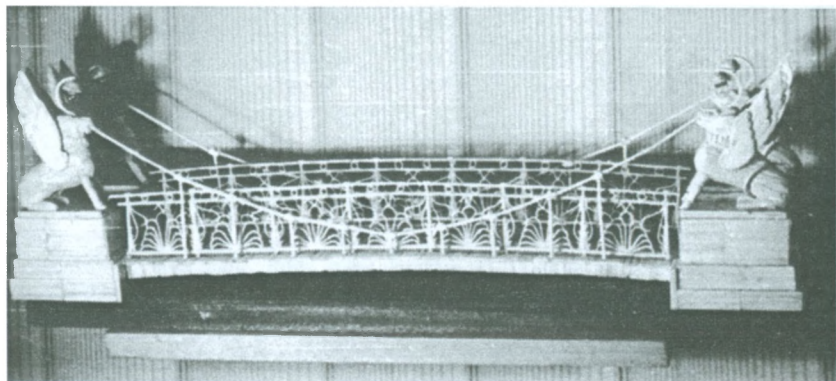

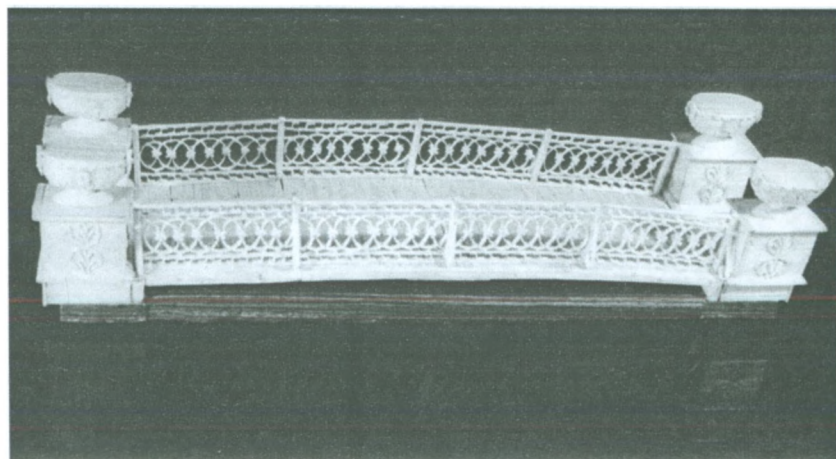
Фото 6

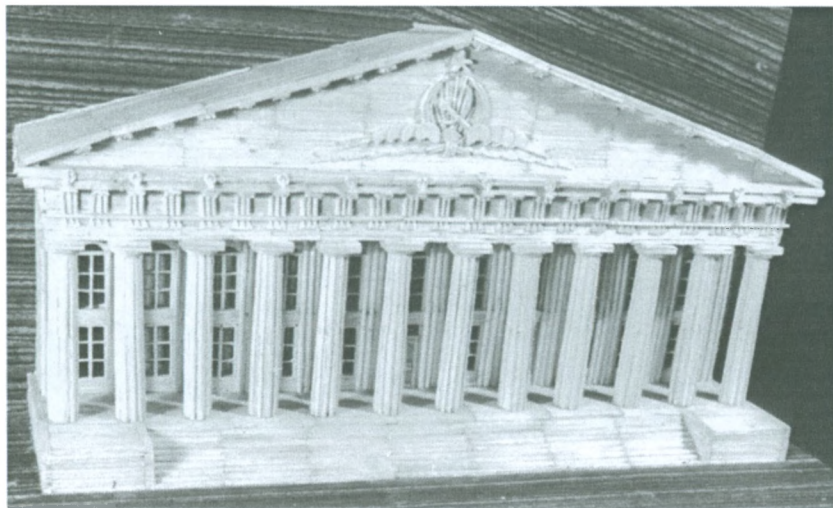
Фото 7

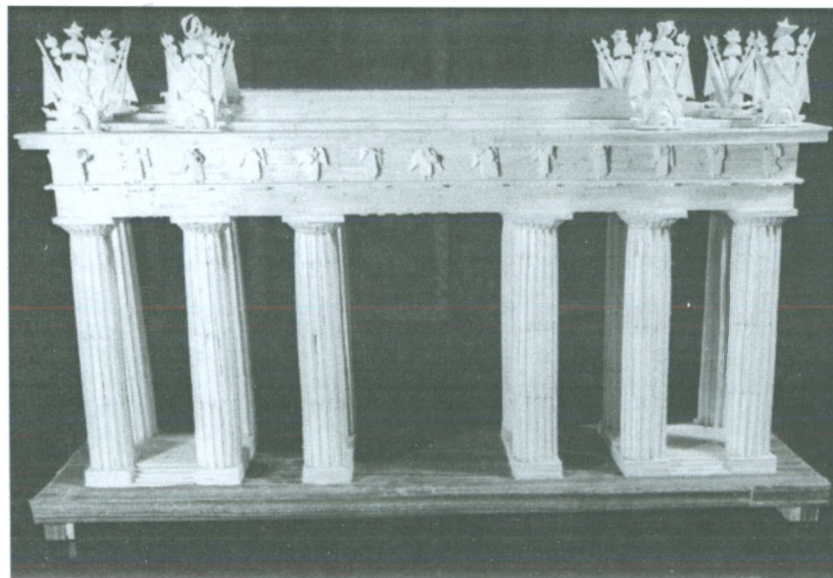
Φoto 8

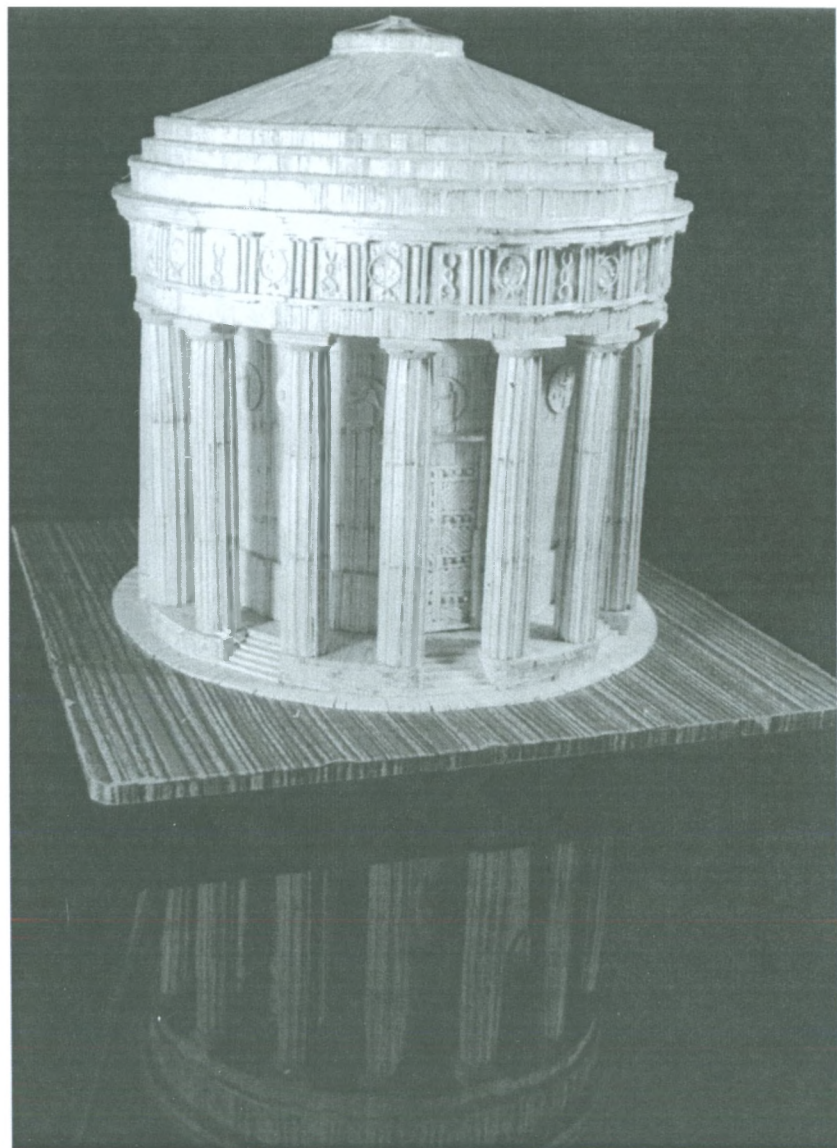
Φoto 9

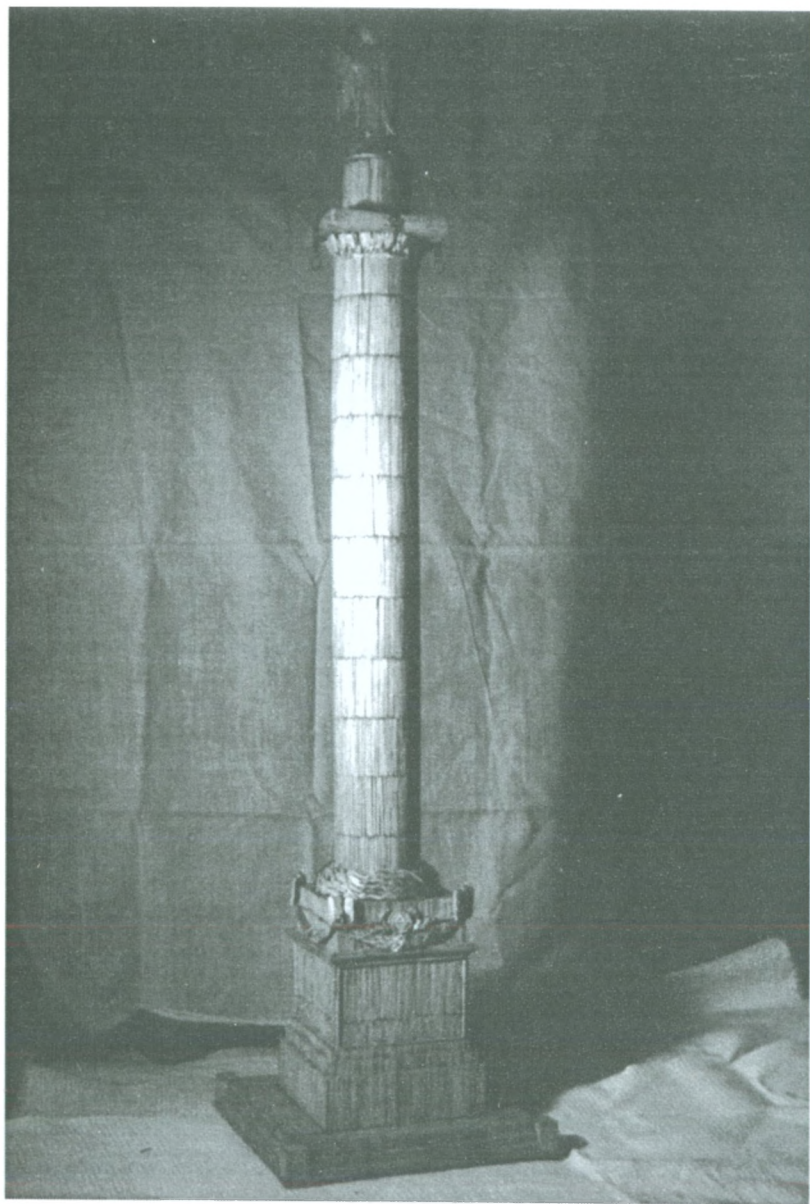
Φωτο 10

Φωτο 11

Φωτο 12

Φωτο 13

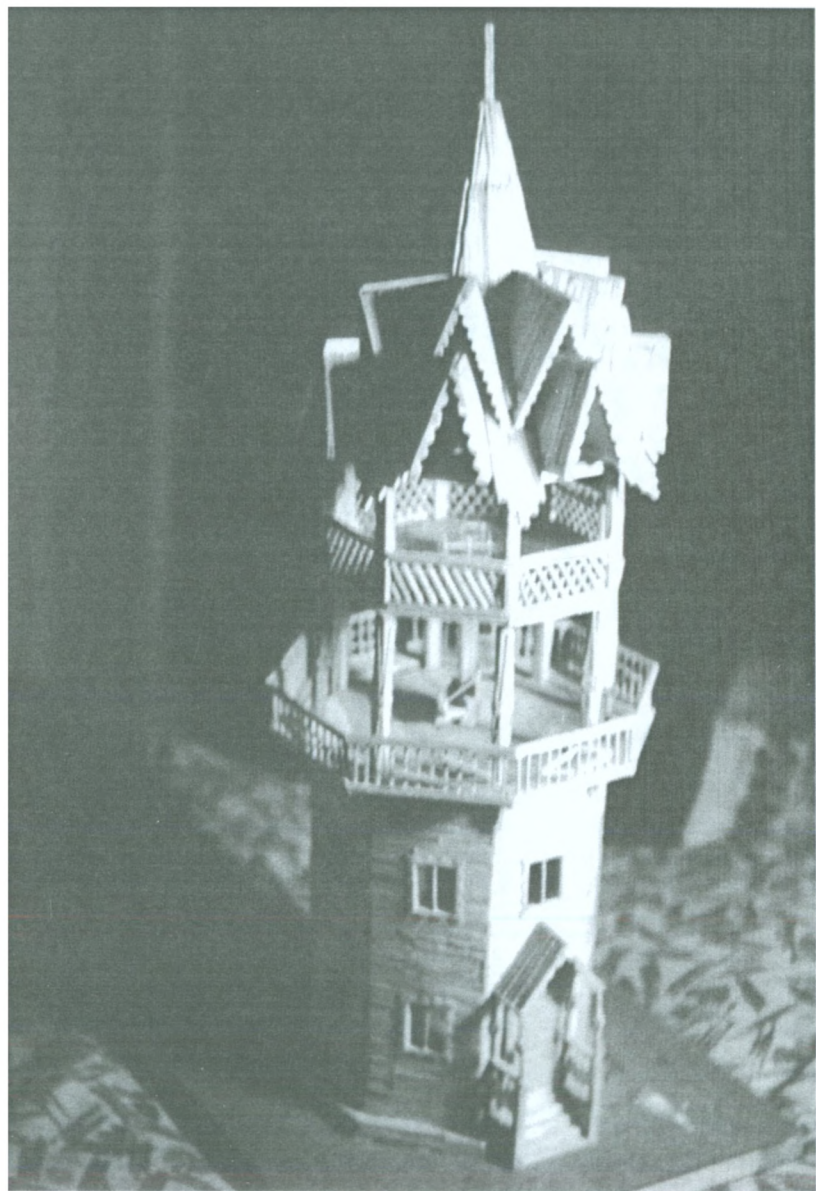

Фото 14

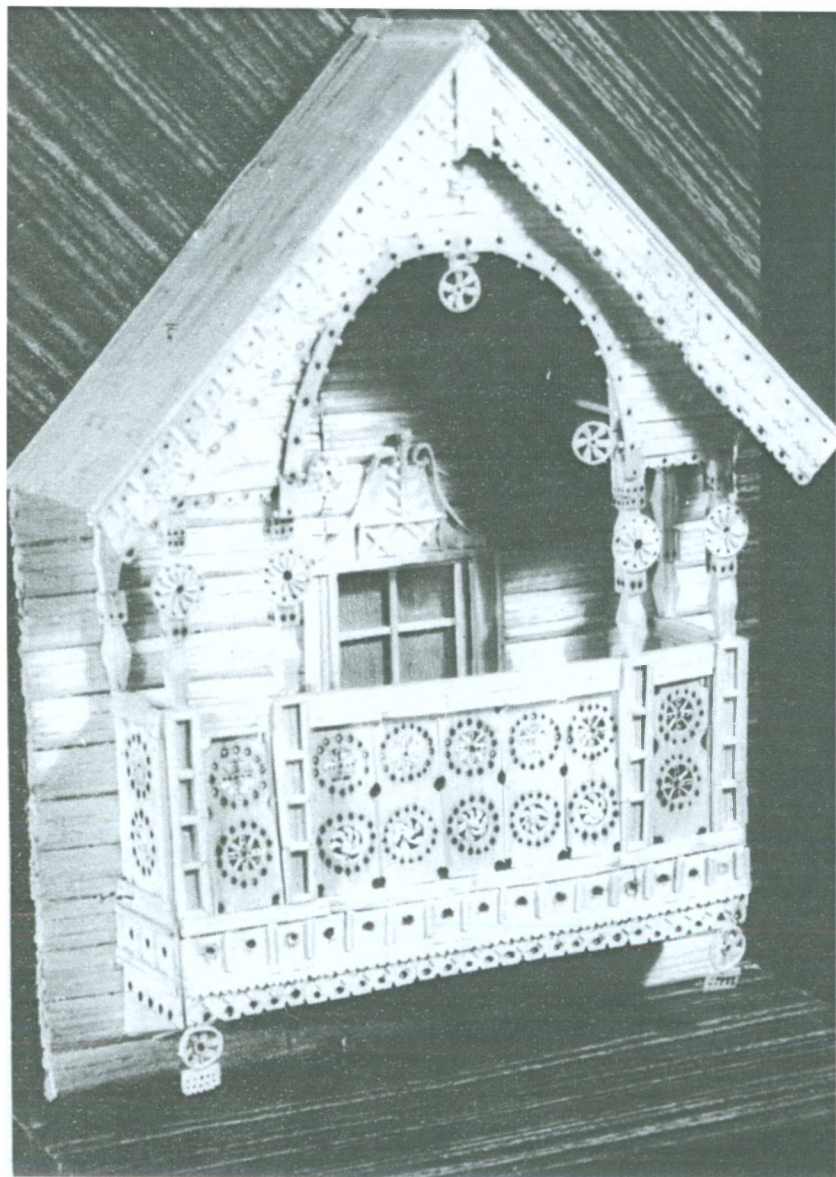

Фото 15

Фотографии, документы и материалы

Гавриил Танкаян, 26 лет. Ростов, 1929 год

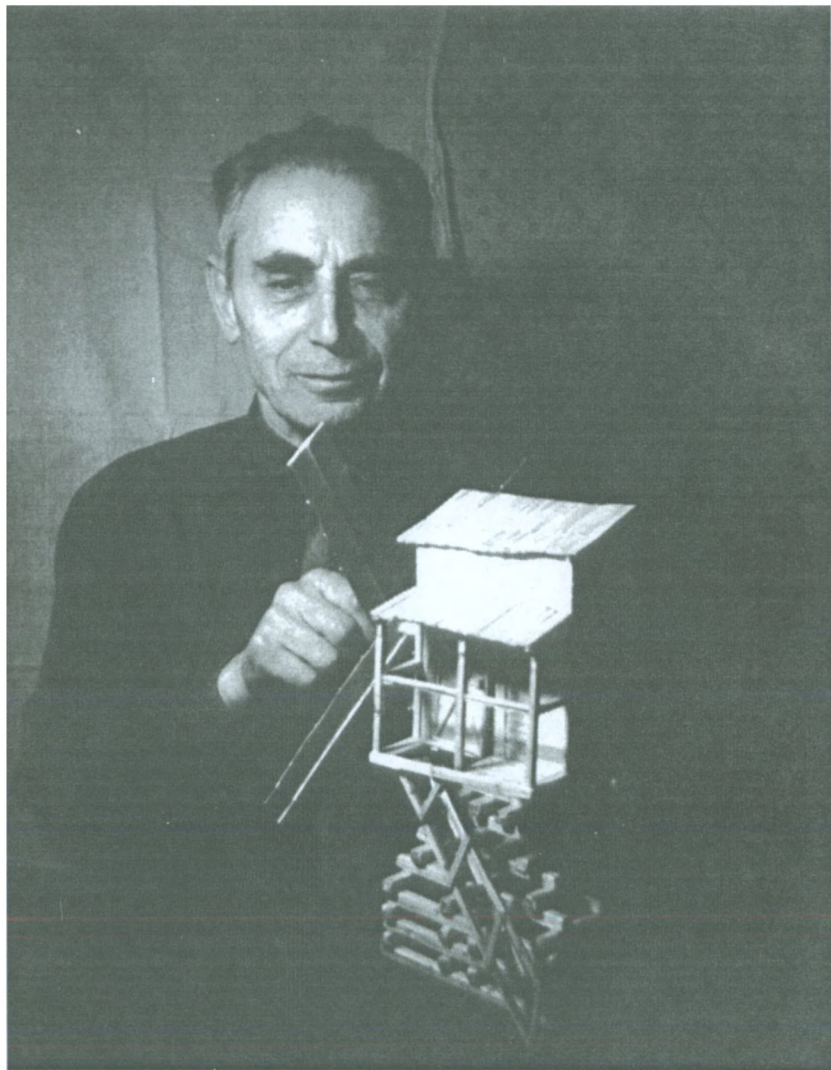
*Из семейного архива Валентина Танкаяна.
Отец, Г.Г. Танкаян на фронте. 1944 год*

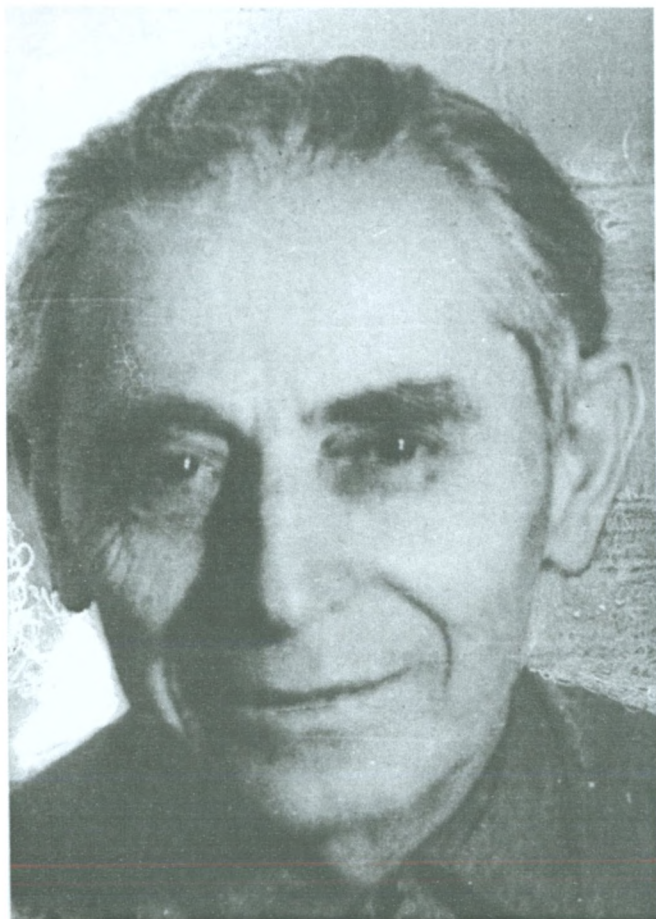
*Из семейного архива Валентина Танкаяна.
Отцу 47 лет. 1950 год*

*Из семейного архива Валентина Танкаяна.
Фото папы 1967 года, ему 64.*

*Из семейного архива Валентина Танкаяна.
Гавриил Георгиевич Танкаян со своим макетом
мельницы села Кимжа*

*Из семейного архива Валентина Танкаяна.
Фото папы 1975 года. Ему 72*

Материалы в прессе о макетном творчестве отца

Своеобразный музей-коллекция находится в квартире Валентина Гавриловича Танкаяна

Шедевры из... спичек

Елена Проклова - "Северная столица"

Отец Валентина Гавриловича Танкаяна - Гавриил Георгиевич (по профессии - военный), уже выйдя на пенсию, страстно увлекся архитектурой, изучению которой посвятил последние годы своей жизни. О том, к чему это привело, нам рассказал его сын Валентин Гаврилович.

Одна плановая страна

Как вспоминал 57-летний человек, вышедший на пенсию этой осенью, изучивший переплетный процесс от традиционной до танковой бочки лишь через многократные обращения в читаль

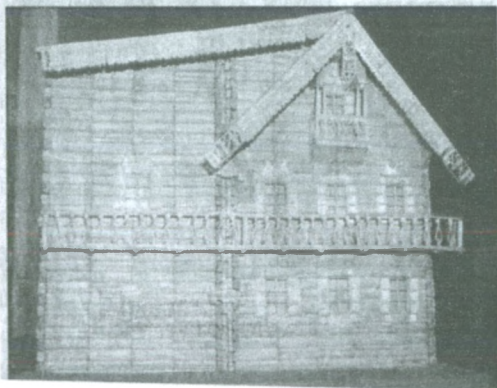
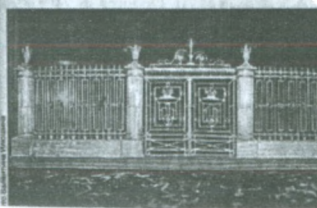
ни библиотеки и усталый взгляд да уж изнуренную жизнь. И вдруг пришла бурная творческая деятельность, связанная до самой смерти с одной плановой страной. Без отдыха и прерывания без отвлечений на что-либо иное. Поражала и необычность этого творения и сам процесс создания. Этот досуг был поистине творческим, он отличался от архитектурных сооружений и миниатюрных макетов, причем необычность этой работы состояла в том, что все они выполнялись из мелких обычных бытовых спичек.

«С чего же он начал?» - Это были, в первую очередь, образцы русского деревянного зодчества, были выполнены макеты каменной архитектуры, а позднее и архитектура восточных и западных европейских регионов.

«Начинался ли процесс создания Близнеца для меня случайно?» - Это уже история, касающаяся жизни моего отца, его кризиса этой зимой, желания жить и творить, что

мне никак не мешало по работе, и все свободное и свободное время посвящал любимому увлечению.

Самым же интересным было наблюдать развитие одного человека. Возможно, ведь уже было достаточно выходов в фойе клубов и кинотеатров и зрителям очень трудно отыскать в выставляемых макетах, в красках отличающихся «необычайной строгостью». И только передо мной те же макеты, они уже увидели свет - настоящие большие отшлифованные, уже прошедшие с нами, по своему своему архаичному вкусу и вкусу в последние месяцы строительства одного из лучших образцов архитектуры. Это стало своеобразным произведением и жеманом квартиры, где своим владельцем и зрителем макетов с портретами смотрит добрый галаз отец, так широко одаривший талантом архитектуру мой дом, мой профессиональный архитектор.

Публикация газеты «Северная столица»
Выпуск №14

КИЖИ ИЗ... СПИЧЕК

Пять лет назад ленинградец Сергей Васильевич Степанов любящая с семьей в Кижях, познакомился с всемирно известным ансамблем народного зодчества. Как и все, кто попадает в этот удивительный край, он был покорен не-

обычайной красотой и художественным совершенством этих памятников архитектуры. Вспоминает, что одна из его любимых оброчных тогда: «Вот бы такую красоту видеть всегда перед глазами».

Минувли годы, Степанов, в прошлом инженер-связист, ректор Ленинградского электротехнического института сказав, вышел на пенсию. Однажды ему подарили иллюстрированную книгу о деревянном зодчестве. И вновь перед глазами встали Кижы, сотворенные руками русских мастеровых людей. Став собирать материалы, заинтересоваться чертежами деревянн постройкам. Поискал жесурсовода о легендарном строителе Преображенской церкви, о том, что, завершая работу, тот бросил топор в Онежское озеро со словами: «Постояла эту церковь мастер Нестор, не было, нет и не будет такой».

Не собираясь Степанов опровергать Нестора, но именно увлечение к его высочайшему мастерству и тонкому вкусу заставило Сергея Васильевича попытаться воспроизвести, конечно, в малом масштабе, лучше из творений мастера. Пять или шесть раз Степанов жевал: основной строительный материал, прежде чем остановился на обыкновенных спичках. А масштаб выбрал «одна к ста».

Ножницы, острый нож, чисточка для клея — вот и весь наборный инструмент, что оказался необходим. Кроме спичек, использовал пластику — для изготовления глав и соломы — для их облицовки. Спички, солому нужно было уметь обработать, выжечь пазы в них владеть выдерживать согласованность всех архитектурных деталей.

И вот модель двадцатидвухглавой Преображенской церкви, выполненная со всей тщательностью, стоит на тумбочке в квартире Степановых. Поздославские внуки, отцоваясь в гости к бабушке, говорят: «Едем в Кижы».

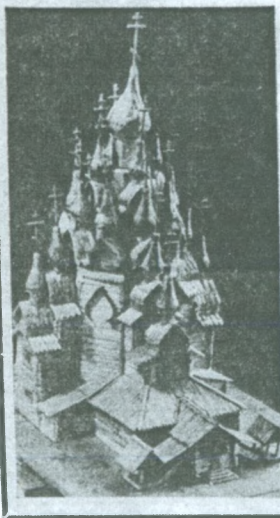

Сергею Васильевичу через месяц исполнится 70 лет. Он читает и работает без очков. Любопытная подробность: отец его — Василий Михайлович в Самарской губернии считался одним из лучших плотников. И до сих пор стоят на берегах Волги рубленные им постройкам.

Степанов — не единственный, кому пришла в голову мысль воссоздать из спичек и шпил от спичечных коробков. Уже более семи лет в квартире другого ленинградца Гавриила Георгиевича Танкаева существует необычная строительная площадка: одна за другой возводятся миниатюрные избы, церкви, мельницы, часовни, а также памятники архитектуры Ленинграда. Мастер выполнил ажурную резьбу, воспроизвел мельчайшие подробности орнамента. Работы Танкаева не раз экспонировались во дворцах культуры, чинототототот.

В. БЕРЕСЛАВСКИЙ
корреспондент «Ленинградской правды».

На снимках: Преображенская церковь, построенная из спичек С. В. Степановым; Г. Г. Танкаев у модели, изготовленной часовой деревен Корба (район Кижей).

Публикация в газете г. Петрозаводска от 29.08.76 г.

НЕОБЫЧНЫЙ СТРОИТЕЛЬ

В КВАРТИРЕ Гавриила Георгиевича Тамияна действительно необычная строительная площадка. Терпеливый труд, зоркий глаз, остроумная выдумка и большая любовь к истории своего народа помогли создать в миниатюре удивительный мир русской архитектуры, где рядом со сказочными сооружениями деревянного зодчества соседствуют строгие здания Ленинграда, воздушные узоры его знаменитых решеток и мостов.

Необычно уже само соседство всех этих сооружений, но еще необычнее то, что сделаны они из... обычных деревянных спичек. Вот уже около семи лет существует эта строительная площадка.

Сначала мастер повторял в миниатюре Ленинградскую телевизионную вышку. Обычные спички — маленькие деревянные стерженьки — сложились в

современное сооружение, вставшее посреди комнаты большой моделью — копией своей 350-метровой стальной башни.

...И не стало покая — можно сделать лучше, изящнее, можно заставить жить кусочки дерева. Уже не хватало времени на заготовку материала, уже носом смотрят продавщицы на оптового покупателя спичек, а дома рождалось целое производство. Спички издираются, очищаются от селы, склеиваются в детали. Только теперь это уже Александрийская колонна с тонкими украшениями. А мысль идет дальше — нельзя ли «срубить» из спичечных бревнышек старые русские постройки, более органичные для избранного материала. Из столбе появляются книги и чертёжи, Скобяно труда в этих деревянных постройках, сколько чувства прекрасного вложено в них в те далекие черные вре-

мена! Люди вкладывали в них свою мечту о прекрасном, которая пронесена из поколения в поколение в наш двадцатый век.

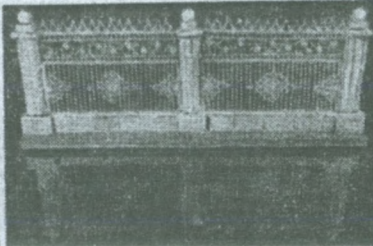
Одна за другой вырастали модели русских изб с их кружевной резьбой, мельниц, сказочных многоглавых церквей. Всюду трудялись славные мастера. Даже в простом жилище крестьянина выражен большой вкус, тонкое чувство прекрасного.

В подарок к 200-летию Горного института появились его многоколонный портал, выросли модели Московских триумфальных ворот, храма «Друмибы» в Павловске и других памятников. Многие ленинградцы смогли познакомиться с интересными работами Гавриила Георгиевича, которые выставлялись в домах культуры и кинотеатрах.

Г. ВАЛЕНТИНОВ

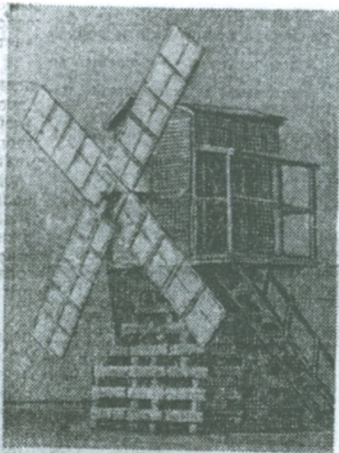

● Фасад Горного института.

● Решетка у Казанского собора.

Публикация газеты «Смена»
Выпуск №203
от 29.08.76 г.

КИЖИ... ИЗ СПИЧЕК

Гавриил Георгиевич Танкаян в часы досуга занимается строительством. Но возводит он свои сооружения не из стекла и бетона, как это делают современные архитекторы, и даже не из кирпича или камня — исконных строительных материалов, а из... спичек. Да, да, самых обыкновенных спичек, которыми ежедневно пользуется каждый из нас.

Вот ажурная, стремительно уходящая вверх телевизионная вышка. Макет выполнен в масштабе 1:200. Он точно воспроизводит все особенности ленинградской конструкции. Какая кропотливая и тонкая работа! На изготовление модели пошло 5.300 спичек, 5.300 крохотных кусочков дерева замечательно стали в бетон подлинного сооружения.

Умелец построил из облюбленного им материала Александрийскую колонну. Модель поднялась на 94 сантиметра и повторяет не только пропорции, но и детали знаменитого памятника. Особенно же интересны макеты построек архитектурного заповедника Кижи. Но прежде чем сложить часовенку или избу, Гавриилу Георгиевичу пришлось наладить собственное производство «бревен». Он склеивал их из спичек, гтая 18 штук на изготовление одного мини-бревнышка. Так коллекция Г. Танкаяна пополнилась новыми экспонатами. А вскоре в ней появились макеты решеток Летнего сада и Казанского собора. Тонкое кружево спичек повторило узоры чугунных оград. Сейчас мастер трудится над созданием макета Банковского мостика.

— Мое увлечение «спичечной архитектурой» началось четыре года назад, — рассказывает Гавриил Георгиевич. — Я вышел на пенсию, но сидеть без дела не мог. Хотел найти себе занятие. Не тяжелое, но такое, чтобы целиком меня захватило. Так родилась мысль попробовать работать со спичками. Позже я вернулся на предприятие, тружусь сейчас переплетчиком, но строить из спичек продолжаю по-прежнему. Все вечера провожу за созданием моделей. Уж очень это интересно — своими руками воспроизводить шедевры архитектуры.

М. РАЙЦИНА

*Газета «Вечерний Ленинград»
от 23.07.73 г.*

П Р И К А З № 205-ох

по Ленинградскому инженерно-экономическому институту
имени Пальмиро Тольятти

от 30 октября 1973 года

ТАНКЯНУ Гавриилу Георгиевичу, стеклографисту РИО,
объявляю БЛАГОДАРНОСТЬ за большую творческую работу по
созданию памятного подарка - сувенира коллективу Горного
института им.Плеханова в связи с 200-летием основания
института.

Ректор института:

И.И. Сигов /Сигов И.И./

Из семейного архива Валентина Танкаяна

Управление кинофикации Исполкома Ленинского
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КИНОТЕАТР

„КОСМОНАВТ“ — „ЗНАМЯ“

Бронницкая ул. 24

Телефоны: 92-48-02 директор
92-36-72 зам. директора
92-20-40 контроль

У-10 УПД л. 13228 т. 1000-2000 9.170 с. 39

ТОВ. ТАНКАЯНУ Г.Г.

25 июня

197 г.

Коллектив кинотеатра "Космонавт" благодарит Вас, дорогой, Гавриил Георгиевич, за экспозицию выставки художественных работ из спичек, которые Вы представили для показа нашим кинозрителям с 18 мая по 25 июня.

Выполненные Вами работы доставили большое эстетическое удовольствие зрителям, о чем свидетельствуют многочисленные записи в книге отзывов.

За этот период с Вашей выставкой познакомились более 40 тысяч кинозрителей.

Желаем Вам дальнейших творческих успехов на благо нашего советского искусства. /Как сказал один кинозритель ЗДЕСЬ РУСЬЮ ПАХНЕТ!!!/

Ждем ВАШИХ новых работ!

ДИРЕКТОР КИНОТЕАТРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Андрей
Р.Д. Иванова

Е.М. АЛЕКСЕЕВА
Р.Д. ИВАНОВА

Из семейного архива Валентина Танкаяна

Управление кинофикации Исполкома Ленгорсовета
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КИНОТЕАТР

„КОСМОНАВТ“ — „ЗНАМЯ“

Бронницкая ул. 24

Телефоны: 92-48-52 директор
92-36-72 зам. директора
и администратор
92-29-40 контроль

Р. 10 УПД в. 13298 г. 1900+2000 6.1.78 г. 40

31 января 1973 г.

О Т З Ъ В

В кинотеатре "Космонавт" с 15 декабря 1972 года по 24 января 1973 года экспонировалась выставка нашего зрителя ТАНКАЯНА Г.Г. - Изделия-макеты архитектурных памятников Ленинграда и др. из спичек.

Выставка просматривалась зрителями с большим интересом, о чем свидетельствуют письменные отзывы в тетради и поступившие в администрацию кинотеатра устные. В отзывах высказана просьба зрителей к т.ТАНКАЯНУ -продолжить работы для новой выставки.

ДИРЕКТОР КИНОТЕАТРА

Алексеева

/АЛЕКСЕЕВА/

Из семейного архива Валентина Танкаяна

Полноформатный Кинозал Ленинград
ШИРОКОФОРМАТНЫЙ КИНОТЕАТР

**В ФОЙЕ
НАШЕГО КИНОТЕАТРА**

**ОТКРЫТА ВЫСТАВКА
„МАКЕТЫ ИСТОРИЧЕСКИХ СООРУЖЕНИЙ
ЛЕНИНГРАДА И КИЖИ,
ВЫПОЛНЕННЫЕ ИЗ СПИЧЕК“**

А В Т О Р

ТАНКАЯН Г. Г.

ПРИГЛАШАЮТСЯ КИНОЗРИТЕЛИ

*Из семейного архива Валентина Танкаяна.
Афиша*

СОДЕРЖАНИЕ

Воспоминания отца — Танкаяна Гавриила Георгиевича	4
Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	32
Глава 8	39
Глава 9	45
Глава 10	52
Глава 11	59
Глава 12. Меня призывают	68
Глава 13. В пути. И опять в резерве	74
Глава 14. На Первом Украинском фронте	78
Глава 15. Борьба с бандеровцами	91
Глава 16. Русская душа	95
Глава 17	100
Глава 18. Боевые подруги	107
Послесловие	116
Список представленных макетов	120
Фотографии, документы и материалы	134

Гавриил Танкаян

ПАМЯТЬ ПРОШЛОГО

Гл. редактор Т. Кусенко
Редакция: Е. Заморина, З. Кудряшова
Компьютерная вёрстка В. Меркушева

Формат 60x90 1/16

Сдано в набор 21.11.13
Подписано в печать 12.12.13
Гарнитура «Times» Усл. печ. л. 36,4
Отпечатано в мини-типографии
издательства «Знак»

191186, Санкт-Петербург, Невский пр., 32-34
офис 9, тел.8 (812)571-07-33 www.ooo-znak.ru

Заказ14/11

